

ИНОГДА НУЖНО ВСЕГО ЛИШЬ
БРОСИТЬ ПАРНЯ,
ЧТОБЫ УСТРОИТЬ КОНЕЦ СВЕТА

РАССТАВАНИЕ ИЗ АДА

ЭНН ДАВИЛА КАРДИНАЛ

Young Adult. Спешите любить

Энн Давила Кардинал

Расставание из ада

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Кардинал Э.

Расставание из ада / Э. Кардинал — «Эксмо», 2023 — (Young Adult. Спешите любить)

ISBN 978-5-04-199692-5

Что делать, если твой парень оказался монстром из фильмов ужасов? «Расставание из ада» — смешная, остроумная, увлекательная история любви для поклонников фильмов «Труп невесты», «Коралина в стране кошмаров» и сериалов «Милые обманщицы» и «Люцифер». «Стремительный, мрачно-комический роман для поклонников сериалов "Милые обманщицы" и "Люцифер". Это идеальная книга для всех, кому необходимо выпустить своих внутренних демонов». — Доун Куртагич, автор романа The Dead House «Оригинальная, веселая, юмористическая и эмоциональная история, рассказывающая о чудовищах, бойфрендах и чудовищных бойфрендах». — Адам Чезаре, автор книги Clown in a Cornfield

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-199692-5

© Кардинал Э., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

1	6
2	13
3	19
4	27
5	31
6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Энн Давила Кардинал

Расставание из ада

Ann Dávila Cardinal

Breakup from Hell

© 2023 by HarperCollins Publishers

Published by arrangement with HarperCollins Children's Books, a division of HarperCollins Publishers

Jacket art © 2023 by HarperCollins Publishers. Jacket art by Diana Novich.

© К. Григорьева, перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Всем моим сестрам-михаэлиткам, Академия святого Михаила,
Нью-Йорк, 1874–2010.*

*Возможно, нашей школы больше нет,
но мы никогда ничего не забудем.*

В святости и праведности

1

В начале

Как же сильно хочется исчезнуть отсюда. Я бросаю взгляд на море людей, сидящих на скамьях вокруг. Лица жителей моего маленького незначительного городка настолько знакомы, что кажутся визуальным белым шумом. И священник, как всегда, бубнит монотонным голосом:

– Уверуйте же: каждый день Господь дарует нам манну небесную. Все мы должны проложить собственный путь вниз с горы жизни. Выберем ли мы опасную тропинку через извилистый лес или предсказуемую и ухоженную трассу...

Нет.

Только не притча о лыжах. Я этого не выдержу.

Я начинаю вставать, готовясь тихо извиниться, когда чувствую, как знакомые, похожие на клещи, пальцы обхватывают руку.

Моя абуэла¹ шипит из-под черной кружевной вуали:

– Мигуэла, куда ты собралась?

– Мне просто нужно... немного подышать, – шепчу я в ответ.

Почему я не могу солгать и сказать что-то более убедительное? Что-то вроде: «мне нужно в туалет», или «сейчас то самое время месяца», или «у меня вот-вот случится нервный срыв»? Мой друг Барри считает забавным, что я не способна лгать, особенно когда бабушка смотрит на меня испепеляющим взглядом смерти.

– Я сейчас вернусь, абуэла. *Te lo prometo*².

Испанский делает свое дело. Она отпускает меня, и я убегаю, в то время как взрослые по обе стороны прохода бросают в мою сторону неодобрительные взгляды.

Когда добираюсь до выхода, я смещаюсь влево, чтобы меня не было видно, и делаю глубокий вдох. Ноябрьский день не по сезону теплый, поэтому все двери открыты. Я вижу последние осенние листья, отчаянно цепляющиеся за голые ветви маленького деревца перед зданием церкви, как будто они боятся оторваться.

Облегчение волной разливается по телу. Не то чтобы я не была верующей... Просто иногда в нашей церкви и общине кажется, что все смотрят на меня в ожидании чего-то, и это угнетает. Я вытаскиваю книгу из рюкзака, который заранее спрятала под деревянной скамейкой, и устраиваюсь в углу. Всего несколько страниц, может быть, пару глав, а затем я вернусь и сяду рядом с бабушкой как порядочная девушка.

Я открываю книгу и улыбаюсь своей закладке: письму о зачислении в Калифорнийский университет Лос-Анджелеса. Бабушка решительно настроена отправить меня в Колледж Сент-Майкл здесь, в Вермонте, поэтому я тайно подала заявление в университет своей мечты. Скоро я расскажу об этом, но пока письмо надежно спрятано в романе ужасов, потому что она ни за что на свете не заглянет туда.

Телефон вибрирует от сообщения. Групповой чат, в котором состою я и трое моих друзей. Мы назвали его «Воинство».

Рейдж: Куда ты убежала?

Барри: Да какая разница? Беги, Мика! Убегай!

Я улыбаюсь и пишу ответ.

Я: Тшш! Я читаю.

Рейдж: Но ты пропустишь вторую часть притчи!

---

¹ Бабушка (исп.). (Прим. ред.)

² Обещаю (исп.). (Прим. пер.)

Я: Ничего страшного, уверена, что Иисус не катался на лыжах.

Я провожу руками по чистой обложке книги, ощущая глянцевый рельефный череп в центре, наблюдая, как черные и красные чернила поблескивают на солнце. Данте Валгейт. Каждый выход его новой книги похож на Рождество независимо от месяца. Я открываю страницу, отмеченную закладкой, новый корешок потрескивает, как поленья в камине, и я продолжаю с того места, на котором остановилась за завтраком.

Я только начинаю погружаться в историю, когда в дверном проеме появляется тень и загоразивает мне свет.

Кто-то смотрит на меня. Его раскаленный, как солнце в середине лета, взгляд прожигает мою макушку. Я провожу рукой по волосам, пытаюсь смахнуть это чувство, как паутину. Я поднимаю голову, чтобы посмотреть на этого человека, и бросаю на него неодобрительный взгляд.

В дверном проеме, освещенный утренним светом сзади и золотистым мягким сиянием церкви спереди, стоит парень, заглядывающий внутрь с порога.

Христос на крекере, кто это, черт возьми?

Он примерно моего возраста, с волной черных как смоль волос, обрамляющих его бледное лицо, и такими темными ресницами, что создается впечатление, будто у него подведены глаза, как у пирата. И он одет в костюм! Никто в Вермонте не надевает костюмы, никогда. Это придает ему утонченный вид... Я бы сказала, светский. Да, он определенно не отсюда.

Боже, я пялюсь. Я опускаю взгляд на книгу у себя на коленях. Меня, словно магнитом, снова тянет поднять глаза, и я борюсь с этим так долго, как только могу. Когда я больше не в силах сопротивляться, то оглядываюсь и замечаю, что он смотрит на меня.

И не просто на меня, а словно внутрь меня.

И тогда жар ощущается уже не только на макушке, он рождается у меня в груди и распространяется по всему телу. Как в фильмах, когда взгляды главных героев встречаются и время вокруг них замедляется, пока звучит какая-нибудь глупая романтическая песня. В нашем случае вместо гитар слышен только отдаленный голос священника и беспрестанное сопение Джонни Пирсона со своего обычного места в заднем ряду. Я с трудом вспоминаю, как дышать, а мое сердце колотится о ребра.

Что-то хватает меня за плечо, и я вздрагиваю.

– Мигуэла, что ты делаешь? Немедленно возвращайся в церковь, – шепчет бабушка на испанском, поднимая меня на ноги своими костлявыми пальцами.

– Боже, абуэла, ты напугала меня.

– Мы уже много раз говорили о том, чтобы ты не разбрасывалась именем Господа так, словно оно не имеет никакого значения. – Она замечает книгу в моих руках. – Фу! Я должна была догадаться. Им следует сжечь все книги этого человека. А теперь убери ее и возвращайся. – Затем она бросает взгляд на дверь. – И на что ты так пристально смотрела?

Парень!

Я поднимаю взгляд, но незнакомец уже исчез. Огромный дверной проем пуст.

Черт возьми.

После мессы прихожане собираются на лужайке перед церковью. Бабушка разговаривает с соседями о запеканках, необычно теплой погоде и других умопомрачительно скучных вещах, когда кто-то хватает меня за шею.

Я собираюсь ударить напавшего – не зря же занимаюсь боевыми искусствами, – когда вижу лицо Рагуила, ухмыляющегося мне через плечо, волнистая копна оранжевых волос закрывает один из его голубых глаз. Его называют Рейджем³, что иронично, поскольку он самый дипломатичный и дружелюбный человек, которого я знаю.

---

³ В переводе с английского языка rage означает «ярость». (Прим. пер.)

– Тебе повезло, что я не перекинула тебя через плечо прямо на церковной лужайке, – спокойно говорю я.

Он обнимает меня за плечи и подмигивает:

– Да ладно, мы оба знаем, что ты этого не сделала бы, даже если бы могла.

– Надо же, спасибо, сэнсэй⁴. Где Барри?

Словно отвечая на мой вопрос, нескладная электронная версия «Red Solo Cup»⁵ эхом разносится по улице. Все оборачиваются, когда самый большой и нелепый грузовик, который я когда-либо видела, подъезжает прямо к церковной лужайке. Он жемчужно-белый, с зеркально блестящей алюминиевой отделкой и шинами, которые кажутся выше меня. У него мигающая красная лампочка сверху и гораздо больше стоек на крыше, чем может понадобиться одному человеку. Пока мы глазеем на это, тонированное стекло со стороны водителя опускается, и я вижу лицо Барри, озаренное гордостью.

– Этот мальчик всегда такой незаметный, – слышу я голос бабушки, которая выглядывает из-за моего плеча.

– Да, Барри определенно любит эффектные появления, – улыбаясь, отмечает Рейдж.

Мы с ним подходим к грузовику.

– Барри! – Я пытаюсь перекричать громкий рев двигателя. – Что это за машина?

– Нравится? Она новая. Я назвал ее «Пегас». – Он с улыбкой похлопывает по приборной панели, как будто это собака.

Я смеюсь:

– Не думала, что ты любишь мифических существ.

– А кому не нравятся крылатые лошади? Да и я же твой друг, – подмигивает он.

Стоит сказать, что размеры Барри идеально подходят для нового грузовика. Он вырос на ферме и выглядит соответственно. Предплечья как стволы деревьев, загар ровно под рукава футболки, а на его лице постоянно играет улыбка пятилетнего мальчика, который только что украл у тебя последнее печенье. Рейдж выглядит стройным и стильным в своей воскресной одежде, но Барри?.. С закатанными рукавами и мятым галстуком он выглядит... совершенно неподходяще одетым для церкви. Я указываю на передвижной арсенал Барри за сиденьями:

– Смотрю, оружейная стойка тоже выросла. Ожидаешь неприятностей после мессы?

– Нет, но начался сезон охоты, милочка! Давай, Рейдж, язычница уже забронировала нам столик.

Я закатываю глаза.

– Ты знаешь, что Зи не нравится, когда ее так называют.

– Что ж, ты видишь ее здесь по воскресеньям, страдающей на мессе вместе со всеми нами?

Рейдж забирается на пассажирское сиденье и оглядывается на меня:

– Ты идешь? «МакКарти»? Красно-бело-синие блинчики?

У меня текут слюнки при мысли обо всей этой вкуснятине.

– Не могу. Мне надо на работу.

Бабушка с ее сверхострым старушечьим слухом широкими шагами подходит к грузовику.

– Ты же не собираешься опять работать в день Господень, Мигуэла?

Разве недостаточно того, что я одеваюсь в эту нелепую девчачью одежду и сижу в этой душной церкви по часу каждую неделю? Кроме того, что она знает о работе? Да, она волонтерит по всему городу, но каково это – быть рабом за минимальную зарплату? Она ничего об этом не знает. Я люблю бабушку, но это уже слишком.

– Собираюсь, абуэла. Я нужна им.

---

⁴ В Японии вежливое обращение к учителю. (Прим. ред.)

⁵ Трек исполнителя Тоби Кита (Toby Keith). (Прим. ред.)

Она сощуривает глаза.

– Даже Бог отдыхал на седьмой день, m'ija⁶.

Что ж, тогда ему не следовало заразиться Сару ротавирусной инфекцией. Хорошо, что я не сказала этого вслух, иначе это вызвало бы такую чертову бурю, от которой меня не спас бы никакой зонт.

– Сара заболела, я должна выйти за нее.

– Ох. Что ж, тогда это по-христиански. – С этими словами она бесцеремонно убирает прядь с моего лица.

Бабуля одобряет, что я делаю? Это все равно что увидеть единорога, скачущего галопом по главной улице. К счастью, она уходит и возвращается к компании взрослых.

– Ты начала статью про Реформацию? – спрашивает Рейдж, высунувшись из окна грузовика.

Я пристально смотрю на него:

– Ого. Пока нет, *nan*. Тем более сейчас выходные. Не напоминай мне о школе.

Рейдж улыбается уголком губ.

– Действительно, тебе ведь не нужно улучшать оценки. Но некоторые из нас еще не получили досрочное зачисление в университет мечты!

Его тон кажется каким-то резким. Рейдж ведет себя странно с тех пор, как я получила письмо из Калифорнийского университета.

– Тшш! – шиплю я и оборачиваюсь на бабушку, чтобы убедиться, что она – или кто-то другой – не услышала его слова. В маленьком городе трудно сохранять секреты.

Рейдж высовывается из окна и вытаскивает книгу из моего рюкзака, как будто нам все еще по шесть лет.

– Может быть, ты бы уже сделала задание, если бы не тратила все свободное время на чтение этого мрачного дерьма, – говорит он, листая страницы романа Валгейта.

Я вижу, как суперобложка уже скручивается в его руках. Я вырываю книгу и сильно бью Рейджа по руке.

Барри наклоняется и спрашивает:

– Ты придешь сегодня на ярмарку?

– Нет, боюсь, мой календарь полностью расписан.

– Уверен, так оно и есть. Я заеду за тобой в семь, – усмехается он в ответ.

– На этом монстре? Ни в коем случае. Если я пойду, то с Зи. – Я не собираюсь идти, но если скажу это прямо, мне достанется за это.

Барри пожимает плечами и выглядит слегка обиженным за свой новый грузовик.

– Как знаешь.

Я ударяю Рейджа кулаком, машу на прощание бабушке и уйду в направлении книжного магазина. День солнечный и теплый, но легкий холодок свидетельствует о скором наступлении темноты. Я люблю начало ноября в Вермонте. Толпы туристов, разглядывающих листву, иссякли, а лыжники еще не приехали. Не успев пройти и квартала, я поздоровалась уже с полуджиной человек. В Стоу все друг друга знают. Если услышишь сирену в течение дня, то к шести часам будешь знать, что произошло и где.

Когда я прихожу на работу, в книжном магазине уже много людей. Местные жители ищут увлекательное чтение, чтобы было с чем посидеть на лавочках до того, как начнет падать снег. Я радуюсь, когда наступает послеполуденное затишье и удается навести порядок в магазине. Мне нравится расставлять книги по местам, нравится, когда все чисто и опрятно. Это нравится мне гораздо больше, чем общение с людьми. Тогда почему я работаю в магазине? У этого есть две причины: персонал и скидка.

---

⁶ Дочка (*исп.*). (*Прим. пер.*)

Я упорядочиваю раздел «Биографии»: какой-то богатый белый парень из Коннектикута ранее устроил в нем хаос, пытаясь найти книгу о другом богатом белом парне.

Повернувшись к следующему книжному шкафу, я слегка подпрыгиваю, увидев кого-то, стоящего перед секцией фантастики и ужасов. Я могла поклясться, что была единственным человеком в магазине. Затем я приглядываюсь повнимательнее.

О. Боже. Мой.

Горячий парень из церкви!

Он переделался в темные зауженные джинсы, накрахмаленные и приталенные, и легкий свитер, облегающий его грудь и плечи. Его волосы более взъерошены, как будто он часто проводит по ним рукой, и на нем австралийские ботинки «Бландстоун».

Я люблю парней в таких ботинках.

Мне стоит заговорить с ним, но как? Общение дается мне нелегко. Не говоря уже о том, что у меня было всего трое парней и я знала их всю свою жизнь, поэтому никаких представлений не требовалось.

Я притворяюсь, что хочу заняться сортировкой в разделе истории прямо рядом с ним, и, хотя продолжаю смотреть на полки, почти сразу снова чувствую жар его взгляда.

– Простите, вы работаете здесь?

О черт. Он заговорил со мной. У меня все сжимается внутри. Я медленно поворачиваюсь, прижимая книгу «Вермонт: Призрачная история» к груди, как щит.

– Да?

Это звучит как вопрос, словно я спрашиваю его, работаю ли здесь. Но затем я смотрю на него и забываю каждое глупое слово, которое когда-либо говорила.

У него огромные глаза, и вблизи кажется, что карий цвет движется, как будто его взболтали. И его кожа настолько идеальна, что, черт возьми, почти светится. Он буквально самый красивый человек, которого я когда-либо видела в реальной жизни, и в этот момент я понятия не имею, что делать со своими руками, как стоять, как даже дышать, поэтому просто немного раскачиваюсь взад-вперед. Внезапно холодая дрожь страха пробегает по спине, а затем она медленно сменяется теплом, как сухая ветка, которая попадает в пламя.

– У вас есть последняя книга Данте Валгейта «Последнее сошествие»?

Фанат ужасов во мне оживает.

– Я только начала ее! Валгейт – мой любимый автор.

– Мне нравится все, что он написал. Но моя любимая книга – это «Смертельная комедия», – с улыбкой говорит он.

– Моя тоже! Однажды я даже отправила Валгейту на почту письмо, сказав, как сильно похожа на Марию из этой книги. Он так и не ответил. – Я небрежно пожимаю плечами, хотя в то время мое фанатское сердце было разбито. – Вы следите за списком рассылки?

– Я проверял его раз или два. По-моему, там слишком много троллей.

– Это точно, – киваю я.

Он все еще улыбается. Почему?

– Так... у вас есть эта книга?

– Ох! Точно! – Румянец вспыхивает на моих щеках. – Простите, но мы распродали все экземпляры в первый же день. Так что пока ждем новую поставку.

На самом деле в церкви я читала последний экземпляр из первой партии, но черта с два я скажу ему об этом. Не важно, насколько он горяч, я год ждала эту книгу, а прочитала пока только четверть.

– Они придут на следующей неделе, вы еще будете в городе? – Спокойнее, Мика, спокойнее.

– Черт. Я надеялся начать читать сегодня. Я взял с собой только три книги и уже прочитал их.

– Мне приходится брать с собой по шесть книг на каждую неделю каникул, – со смехом произношу я.

Он поднимает руки.

– Аналогично. Мои друзья никогда не понимают, почему я не могу почитать электронные книги, когда закончились бумажные.

– Фу! Электронные книги просто...

– Другие, – одновременно говорим мы и улыбаемся друг другу.

Он все еще смотрит мне в глаза, и у меня потеют ладони. Я осторожно вытираю их о рубашку и аккуратно откладываю книгу, которую все это время держала в руках, на полку. Потом я просто смотрю на корешки.

– Это тебя я видела сегодня утром в церкви? – выпаливаю я.

– Да. И я тоже видел тебя.

Эта улыбка. Всего лишь небольшой изгиб его полных губ, но от ямочек, которые появляются у него на щеках, мое сердце бьется быстрее.

– Я раньше не видела тебя.

– Я снял дом на Коттедж-Клуб-роуд на пару недель. Я здесь в отпуске...

– Ох... – Я прозвучала разочарованной. Я разве прозвучала разочарованной? Боже. Как унижительно. К счастью, он, кажется, не заметил.

– Я видел эту церковь на всех фотографиях Стоу, и мне просто было интересно, как она выглядит изнутри. Моя семья не особо верующая.

– Тебе повезло. Моя абуэла таскает меня туда каждое воскресенье. – Я смеюсь.

Он немного склоняет голову набок, как птица. Очень красивая птица.

– Абуэла?

– Прости, это бабушка по-испански. Я родилась в Пуэрто-Рико.

– И переехала в Вермонт? Небольшое изменение климата, да?

– О да. Так и не могу понять, почему бабушка захотела покинуть остров и переехать в это ледяное место.

– Вы переехали из-за родителей?

– Нет. Мама умерла, а отца я не знаю.

Что ж, это правда, но нет ничего лучше, чем вывалить на великолепного незнакомца свою печальную сиротскую историю. Мне действительно нужно поработать над техникой флирта.

– Мне жаль.

И по его выражению лица понятно, что он говорит искренне. Оно смягчается, а глаза становятся стеклянными. И все, чего мне теперь хочется, – развеселить его. Мне в голову приходит идея, и я прохожу через магазин и становлюсь за кассу.

– Ты можешь взять мой экземпляр.

Не понимаю как, но мне удается: он снова улыбается. Я опускаю руку под прилавок, куда засунула рюкзак, и слышу, как он подходит с другой стороны.

– Послушай, это правда мило, но я не могу забрать твою книгу.

Он облокачивается на потертую деревянную стойку, и когда я выпрямляюсь, мы оказываемся лицом к лицу. Близко. Наши носы почти соприкасаются. Я делаю глубокий вдох и чувствую теплый запах кофе, сандалового дерева и чего-то еще... Мне нравится его запах.

– Нет, правда, бери. – Я настроена серьезно, хотя никогда раньше не одалживала свои книги. Никогда.

Он опускает взгляд на протянутую книгу и улыбается, забирая ее у меня.

– Ладно. Но я возьму ее только потому, что, когда мне придется вернуть ее, снова увижу тебя.

Что надо сказать на подобную фразу? Спасибо? Ловлю на слове? Женись на мне? Вместо этого я спрашиваю:

– Как тебя зовут?

– Сэм.

– Сэм... – повторяю я, словно это священное слово. – Приятно познакомиться, Сэм. –

Все вокруг расплывается: звуки, крики детей, проходящих мимо, уличное движение. Остаемся только я и Сэм.

Он продолжает улыбаться. Чего он ждет?

Ох! Он хочет узнать мое имя. Естественно.

– Я Мика.

– Как минерал?

– Нет, это сокращенно от Микаэла, точнее, Мигуэла по...

– По-испански, – заканчивает он с кивком. – Мне тоже приятно познакомиться с тобой, Мика.

Затем он пожимает мою руку, его кожа оказывается на удивление мягкой. Он держит мою руку где-то на секунду дольше, чем я ожидаю, все это время глядя в глаза. Отпустив ее, он разворачивается и идет к выходу. Я дрожу, как будто он тянет за собой это теплое неконтролируемое чувство, возникшее у меня в груди.

Я смотрю ему в спину, пока он выходит через входную дверь на улицу, бережно зажав мою книгу под мышкой.

Боже, как я завидую этой книге.

2

И лице Его, как солнце, сияющее в силе своей.
Откровение 1:16 ап. Иоанна Богослова

После работы я переодеваюсь в спортивный костюм и отправляюсь на длительную пробежку. Поскольку это часть моих тренировок по тхэквондо, абуэла не возражает, что я уйду одна. Раньше Рейдж бегал со мной, но он всегда хотел закончить быстрее, чем я. В последний раз, когда мы бегали вместе, он держался за бок и согнулся пополам, сказав: «Думаю, если бы тебе дали такую возможность, ты бы добежала напрямик до Лос-Анджелеса».

Возможно, он прав. Но это было самое странное воскресенье в моей жизни, а бег – лучший способ проветриться и привести мысли в порядок.

Жизнь в черте города сопряжена со своими трудностями, но наше маленькое одноэтажное бунгало находится на некотором расстоянии от двух трасс, и я благодарна за это. Я пересекаю центральную дорогу и спускаюсь по тихой тропинке, идущей вдоль реки.

Мне нравится ощущение дорожки под кроссовками, чистый запах красных сосновых иголок, устилающих землю.

И тишина. В большей степени я пришла сюда из-за тишины. Здесь не гуляют с собаками, хотя, когда огибаю рошу, я вижу, как что-то маленькое и черное со стоячими заостренными ушами убегает в кусты.

Ничего не могу с собой поделать и думаю о Сэме. Его лицо всплывает в голове, как будто кто-то специально запечатлел его в моей памяти, но по мере того, как мышцы разогреются, я сосредотачиваюсь на движениях ног и рук и ритме дыхания. Когда я возвращаюсь домой и захожу в душ, Сэм уходит на задний план. После ужина я лежу в кровати и читаю очередную книгу, когда слышу голоса в гостиной, в частности нежное воркование бабушки, суетящейся над кем-то. Мне становится любопытно, я открываю дверь спальни и вижу, как абуэла пытается накормить Зи печеньем.

– Мигуэла, дорогая Зерахиил пришла, чтобы отвезти тебя на ярмарку, разве это не заботливо с ее стороны?

Бабушка прямо-таки сияет. Она всегда обожала Зи. Ей нравится в ней все: от длинных светлых волос до пышных женственных юбок, не говоря уже о милом характере. Думаю, бабушка одобряет нашу дружбу, поскольку надеется, что Зи положительно повлияет на меня.

Я сажусь рядом с Зи на диване.

– Так бы оно и было, если бы я не написала ей десять раз, что не пойду, – со стоном говорю я.

– Но потом ты выключила телефон и я решила, что ты передумала! – Зи хлопает ресницами, явно солгав.

Я замечаю золотистые кристаллы, свисающие у нее из ушей, протягиваю руку и ощупываю.

– Последнее время ты постоянно их носишь. Что делает этот камень?

– Это цитрин. Он приносит радость и воодушевление.

– На мне это не работает, – шепчу я.

Она не обращает внимания на мои слова.

– И как я только что говорила твоей бабушке, Осенняя ярмарка – это *такой* праздник в Вермонте, что я просто не могу позволить тебе пропустить его.

Абуэла поворачивается ко мне:

– Это правда, Мигуэла. Мы живем в таком красивом месте. Ты должна пойти, дорогая.

И это говорит женщина, которая никогда не отпускает меня гулять вечером, когда я действительно этого *хочу*.

Зи лучезарно улыбается мне, и на секунду я подумываю, не спихнуть ли ее с дивана. На самом деле я бы никогда этого не сделала. Но при этом она участвует в кампании «Разве ты не любишь Вермонт?» с тех пор, как я сказала, что поступила в Калифорнийский университет Лос-Анджелеса. Мне лучше просто пойти, пока она не сказала что-нибудь такое, что вызовет любопытство у абуэлы. Я закатываю глаза и встаю с дивана.

– Ладно. Но ненадолго, – заключаю я и иду в комнату, чтобы взять толстовку и телефон.

Абуэла подходит ко мне с расческой. Она что, разложила их по всему дому, чтобы мучить меня?

– Вернись домой к девяти тридцати. Завтра в школу, *piñas*⁷.

Она заканчивает проводить расческой по моим волосам спереди (на то, чтобы расчесать всю голову, ушел бы час и вмешательство Бога) и застегивает молнию на толстовке, хотя на лице почти пятнадцать градусов. (Что очень странно, если задуматься об этом.)

Бабушка провожает нас до двери, целует в обе щеки и машет рукой:

– Повеселитесь!

Это заговор, клянусь. Как только мы оказываемся вне пределов слышимости, я шиплю:

– Это было совершенно нечестно, Зи!

Она обнимает меня за шею и притягивает ближе с широкой улыбкой. Я улавливаю свежий аромат лемонграсса и апельсина и сразу чувствую, как замедляется мое сердцебиение. Не знаю, дело в эфирных маслах или просто в ее манере держаться, но эта девушка – настоящее успокоительное.

– Не злись, Мика. Это ненормально – запирается в комнате и постоянно читать про зомби.

Я открываю пассажирскую дверь.

– Я не читаю про зомби! Это делали в 2019-м.

Она садится за руль и заводит машину.

– Я помню, тебе нравились «Бегущие мертвецы».

– «Ходячие мертвецы»! – восклицаю я, но она лишь улыбается. – Ты просто издеваешься надо мной.

– Не важно. Прежде чем ты сбежишь и забудешь про нас, я хочу, чтобы ты поняла, что оставляешь здесь.

– Я знаю, что оставлю здесь, Зи, и я буду скучать по всем вам, но мне нужно что-то поменять, увидеть что-то новое. Я чувствую себя... запертой здесь, я не могу пошевелиться и расправить крылья.

Она поднимает брови.

– Крылья? У тебя есть крылья, а ты никогда не рассказывала мне об этом?

Я игнорирую ее слова.

– Кроме того, я ходила с тобой на октябрьский фестиваль, и сбор яблок, – я загибаю пальцы, – и в лабиринт на кукурузном поле. Мы вели себя как чертовы туристы.

Мы заезжаем на парковку ярмарки, и, заглушив двигатель, она поворачивается ко мне:

– Послушай, Мика. Извини, если я слишком резкая. Я просто... не хочу, чтобы ты уезжала.

Ладно, это прозвучало настолько искренне, что мне становится плохо.

– Я знаю, Зи, но мне бы хотелось, чтобы ты поддерживала меня в том, что хочу делать я.

Она вздыхает.

– Ты права. Я попытаюсь. Если *ты* попытаешься повеселиться сегодня.

---

⁷ Девочки (исп.). (Прим. пер.)

Я издаю стон.

– Никаких обещаний.

Мне приходится хлопнуть дверью, чтобы она закрылась. Родители Зи предложили купить ей любую машину, какую она захочет, но она предпочла приобрести двадцатилетний дрянной универсал на собственные деньги. Именно это мне в ней и нравится.

Когда мы проходим через ворота, кто-то набрасывается на меня сзади. Я оборачиваюсь, готовая к драке – я всегда к ней готова, – пока не понимаю, что это всего лишь Барри.

– Боже, Ба! Почему вы, ребята, чувствуете необходимость все время напугать меня?

– Нам нравится держать тебя в тонусе. – Он взъерошивает мои волосы. – Вижу, бабушка снова напала на тебя с расческой.

Рейдж протискивается между мной и Зи и обнимает нас обеих.

– Итак, Мика. Что такого предложила тебе Зи, что ты согласилась приехать сюда?

– Она просто пришла ко мне и заручилась поддержкой абуэлы.

Барри шипит сквозь зубы:

– О-о-о! Теперь она играет жестко.

Зи одаривает меня той самой улыбкой.

– Все ради нашей Мики.

Для всего остального мира она выглядит такой нежной: фарфоровое личико в форме сердца, большие голубые глаза, полные удивления, но потом ты уходишь и понимаешь, что она убедила тебя сделать именно то, чего ты не хотел.

Пока мы идем, нас затягивает в море людей, движущихся между белыми палатками, и, хотя я предпочла бы быть дома, мне становится легче дышать, я даже наслаждаюсь грохотом музыки, карнавальными играми и голосами.

Мы проходим мимо компании девушек из государственной школы, и я замечаю, как несколько из них разглядывают Рейджа. Сегодня вечером в темно-зеленом свитере и джинсах от «Кархартт» он выглядит очень хорошо. Конечно, он, как и всегда, не обращает внимания на то, что многие на него смотрят.

– О-о-о! Яблоки в карамели! – визжит Зи, подскакивая к палатке с гирляндами розовой и голубой сахарной ваты и красными, как пожарная машина, яблоками в сахарной глазури.

Она веган, ест только продукты местного производства, выращенные с соблюдением этических норм, но, когда дело доходит до ярмарки, она не может удержаться от сладкого. Она откусывает большой хрустящий кусочек, когда возвращается, чтобы присоединиться к нам.

Рейдж и Барри отвлекаются на нелепую игру в силача с кувалдой, хвастаясь, что каждый из них выиграет, в то время как Зи просматривает вешалку с висячими серьгами, а я остаюсь стоять на месте, наблюдая за ними.

Все как всегда.

Я подумываю над тем, чтобы улизнуть и пойти домой, но рядом со мной неожиданно раздается голос:

– Вот ты где.

Я слегка вздрагиваю. Клянусь, рядом со мной только что никого не было. Я оглядываюсь и вижу Сэма.

– Я повсюду искал тебя.

Я сопротивляюсь желанию оглянуться и посмотреть, не разговаривает ли он с кем-нибудь позади меня.

– Неужели? Подожди... – ухмыляюсь я. – Ты следишь за мной? – Часть меня приходит в ужас от этой идеи; другая же часть даже надеется, что так оно и есть.

– Нет, я просто надеялся случайно встретиться с тобой, так как это, похоже, самое подходящее место.

Я вдруг осознаю, что на мне слишком большая футболка с «Кладбищем домашних животных» и джинсы, которые я носила уже три дня, и впервые за, в общем, целую вечность я жалею, что не приложила хоть немного усилий к своему образу.

– Не хочешь немного прогуляться? – Он жестом указывает на пустое поле, где вскоре будет фейерверк.

Я киваю, но затем вспоминаю, что пришла не одна. Я оборачиваюсь и вижу, что Барри и Рейдж перешли к другой игре, а когда смотрю на Зи, она улыбается и рукой, в которой уже нет яблока в карамели, показывает мне идти.

Я снова поворачиваюсь к Сэму, пожимаю плечами и соглашаюсь так легко, будто со мной это происходит каждый день.

Сэм сверкает широкой великолепной улыбкой и предлагает мне руку, и я беру ее. Пока мы идем, я краем глаза рассматриваю его, и все и вся вокруг нас начинает сливаться в размытое пятно.

Мы направляемся к мощеной дорожке, которая проходит вдоль поля. Тепло его тела заставляет меня чувствовать себя так, словно я стою у костра.

Сэм жестом указывает назад, в сторону палаток.

– Что ж, это весело. Здесь каждые выходные проводят такие ярмарки?

– Не, только сегодня. И к Дню независимости. Подожди, еще на выставку антикварных автомобилей. И на годовщину британского вторжения. О! И на октябрьский фестиваль!

– Получается, каждые выходные. – Он улыбается.

Я смеюсь:

– Похоже на то. Никогда об этом не задумывалась. Это просто немного... странно, на мой вкус.

– Так оно и есть. Но это же Вермонт, верно? Разве он не столица странностей?

– Да, но тут как на картинах Нормана Роквелла, так живописно. – Он смотрит на меня так, словно это что-то хорошее. Я делаю глубокий вдох. – Это скучно, ясно? Я бы не прочь для разнообразия отправиться в какое-нибудь более захватывающее место. – Когда я говорю это, то представляю себе улицы Лос-Анджелеса, вдоль которых растут пальмы.

– На самом деле захватывающие места не такие веселые, как кажется. – Он смотрит на звезды над головой и вздыхает. – Как правило, люди недооценивают место, в котором живут.

Пока мы идем, солнце окончательно садится за горы, и, хотя я не могу дожидаться отъезда в университет, я вижу Стоу глазами Сэма и могу оценить природную красоту этого места. Чем дальше мы отходим от ярмарки, тем тише становится, и я слышу над головой далекий гогот стаи гусей, направляющейся на юг. Это один из моих любимых звуков, потому что...

– Разве что-нибудь говорит об осени больше, чем этот звук? – шепотом спрашивает Сэм.

Сбоку его освещают фонари, натянутые от столба к столбу для ярмарки, и я восхищаюсь тем, как это подчеркивает его широкую челюсть и глубоко посаженные глаза. Его лицо не идеально: нос изогнут так, словно он был сломан в прошлом, а еще на брови с одной стороны виднеется шрам, но эти недостатки делают его только сексуальнее. И при этом несколько... знакомым. Я только сегодня увидела с ним впервые, но мне кажется, будто знала его всю свою жизнь.

Из Войнства приходят тысячи сообщений. Рейдж спрашивает, куда я ушла, Барри хочет узнать о парне, а Зи просит оставить меня в покое. Я игнорирую их и убираю телефон в карман.

Сэм хочет что-то сказать, когда позади нас раздаются крики. Мы оборачиваемся и видим двух женщин, бегущих по пустой части поля. Подождите, я знаю их, это Сандра и Элейн, мы вместе ходим в церковь. Я смотрю, куда они бегут. Фейерверк запускается по другую сторону ярко-оранжевого ограждения для мероприятий. Я вижу небольшую дыру в нем, а затем замечаю, как дети проскальзывают через рваные края на другую сторону забора, направляясь к линии фейерверков.

Боже.

– Работники же увидят их? – спрашиваю я Сэма.

– Не уверен. – Затем он смотрит на меня с блеском в глазах. – Пойдем.

Мы ускоряемся, и, когда подбегаем ближе, я вижу высокого мужчину за большими деревянными ящиками, на голове у него плотно сидят массивные наушники с шумоподавлением.

– Он не услышит крики, – отмечает Сэм.

Черт! Теперь мы зовем, пытаюсь привлечь внимание детей, перекрикивая взрывную музыку, достигающую крещендо в качестве вступления к фейерверку.

Я ускоряюсь – может быть, мне удастся добраться туда раньше матерей – и вижу Сэма рядом. Я выкладываюсь на полную, трава шуршит под кроссовками, и Сэм не отстает. Мое тело движется быстрее, чем когда-либо. Я замечаю дыру в ограждении, через которую пролезли дети.

– Мы не сможем туда пролезть! – кричу я.

– Нам придется прыгать! – отвечает Сэм и улыбается мне.

Прыгать? Я собираюсь сказать, что забор более пяти футов⁸ высотой, когда он ускоряется, поднимает ноги и отрывается от земли, перепрыгивая через него.

Что?!

Но по мере того, как ограждение приближается, мое тело не замедляется. Я подтягиваю ноги и перелетаю через забор, со стуком приземляясь с другой стороны прямо рядом с Сэмом. Сердце бешено колотится в груди. Я не знаю, как это сделала, но это определенно был выброс адреналина.

Дети почти добрались до фейерверка, и я вижу работника, который готов щелкнуть по ряду рычагов и запустить первую серию пиротехники. Ребята как раз подходят к коробкам, их руки тянутся к верхушке деревянных подставок, на которых хранится взрывчатка.

Сандра и Элейн добираются до ограждения, толпа людей следует за ними. Крики становятся все отчаяннее, в то время как Сэм в мгновение ока хватается девочку и передает ее мне, а мальчика берет под мышки.

Мы бежим обратно и снова перепрыгиваем через ограждение, но в этот раз с детьми на руках, как раз в тот момент, когда позади начинается фейерверк, освещающий людей по другую сторону. Мы приземляемся на ноги, и, когда ставим детей на землю, вокруг нас раздаются одобрителные возгласы.

Сандра добегают до нас первой и заключает девочку в объятия. Она поднимает на меня широко распахнутые глаза:

– Спасибо, Мика. Но... я не понимаю, как ты это сделала.

На самом деле я тоже. словно в центре моего тела находился источник электричества, который никогда раньше не включался, и, когда энергия разлилась по венам, я почувствовала, что могу сделать все. Я улыбаюсь Сандре, когда замечаю, что она отстраняет дочь, совсем чуть-чуть. В ее глазах мелькнул страх или мне показалось?

Сэм передает мальчика Элейн, которая откровенно рыдает и снова и снова повторяет: «Благослови тебя Бог», прижимая малыша к груди.

Я оборачиваюсь и вижу, что все смотрят на нас, а не на фейерверк, и до меня доносятся перешептывания. Мне становится тяжело дышать от этого внимания. Я хватаю Сэма за руку и тяну его за собой, пока мы не вырываемся из толпы. Как только убеждаюсь, что никто нас не слышит, я шепчу:

– Что это было?

– Мы спасли двух детей, ты пропустила эту часть? – Он смеется.

---

⁸ Более полутора метров. (Прим. ред.)

– Нет. – Я останавливаюсь и поворачиваюсь к нему. – Просто я никогда не бегала так быстро и не прыгала так высоко. Это было действительно странно и немного пугающе, но в то же время это было... потрясающе! Как будто я могла сделать что угодно.

Он одаривает меня *той самой* улыбкой.

– Чувствую, это самое малое из того, что мы можем сделать вместе, Мигуэла.

3

*И когда придет, не долго ему быть.
Откровение 17:10 ап. Иоанна Богослова*

Я стою рядом с Сэмом, и это чувство, что бы оно ни значило, когда мы бежали и перепрыгивали через забор, все еще остается в моем теле, и я хочу, чтобы так продолжалось вечно. Фейерверки взрываются над нами, словно отражая энергию, бегущую по моим венам. Я знаю, что мне следовало бы начать волноваться, ведь произошедшее было за гранью странного, но я просто чертовски... счастлива. Меня даже не волнует, что теперь уже большая толпа смотрит на нас с другого конца поля, перешептываясь и прикрывая рты руками.

Сэм смотрит на них в ответ, и я слышу, как он ругается в промежутках между залпом красных хризантем в небе.

– Что случилось?

– Я обещал отцу, что не буду привлекать лишнего внимания. В итоге я в городе всего двадцать четыре часа и, кажется, уже все испортил. – Он потирает шею.

– Ты популярный?

Он смеется:

– Нет.

Некоторое время мы молча стоим и наблюдаем за фейерверком, и я сосредотачиваюсь на тепле его руки, прижатой к моей, на его пряном чистом аромате. Он хоть немного вспотел после всех наших упражнений? Электрическое ощущение в теле медленно угасает, но быть с Сэмом – это само по себе наслаждение.

Я замечаю своих друзей, стоящих в стороне под гирляндами. Их лица запрокинуты вверх, а фейерверк освещает их зеленым и голубым.

– Эй, хочешь познакомиться с моими друзьями? – спрашиваю я Сэма.

Он смотрит, куда я указываю, и начинает теревить ворот своего свитера, как будто нервничает.

– Конечно.

Мы идем к ребятам, и я осознаю, что все еще держу его за руку. Я подумываю отпустить ее, зная, какое обсуждение это вызовет, но потом становится слишком поздно, и я понимаю, что меня это совсем не волнует. Зи смотрит на нас с улыбкой, которая угрожает разорвать ее лицо; Барри пялится так, как будто мы научный эксперимент, над которым он ломает голову (если он вообще способен уделять внимание науке), а Рейдж... просто свирепо смотрит на нас. Я слегка откашливаюсь:

– Сэм, это Барри, Зи и Рейдж.

Сэм слегка машет им рукой:

– Приятно познакомиться.

Барри делает шаг вперед и смотрит ему в глаза:

– Как дела, чувак?

Зи подсакивает и обнимает Сэма.

– Мы слышали, что вы сделали, это просто потрясающе! Вы словно супергерои!

Даже в тусклом свете я замечаю румянец на лице Сэма. Он выглядит немного смущенным, но затем обнимает ее в ответ с растушей улыбкой.

Рейдж – единственный, кто ничего не сказал. Он просто стоит, покусывая губу, как будто Сэм – рыба, которую он собирается выбросить.

Что ж, это немного странно. Я хлопаю в ладоши.

– Может, вернемся на ярмарку?

Группа разделяется, и мы с Сэмом идем впереди. Я так остро ощущаю гнетущее молчание, что подпрыгиваю, когда Барри появляется с другой стороны от Сэма.

– Я застал только конец, но было довольно круто, когда вы, ребята, спасли тех детей. Я всегда знал, что Мика крутая, но ты невероятно быстр, чувак. Ты играешь в футбол в... колледже или что-то такое?

Барри пытается выяснить возраст Сэма, и, должна заметить, не слишком искусно.

– Нет, хотя я неплохо играю в лакросс, – усмехается Сэм.

– Юри раньше играл в лакросс. Юри... мой друг...

А теперь Барри пытается понять, гомофоб Сэм или нет. Но Сэм не реагирует на его натиск.

– О, у вас здесь хорошая команда?

Я только что вспомнила, *почему* не знакомлю парней, которые мне нравятся, с друзьями.

– Подождите!

Мы оборачиваемся и видим, что Рейдж стоит перед палаткой и подбрасывает вверх-вниз бейсбольный мяч.

– Хочешь сыграть? – спрашивает он Сэма, указывая на молочные бутылки в задней части палатки. Разница между ярмаркой в Вермонте и другими ярмарками заключается в том, что в этих бутылках, вероятно, до недавнего времени хранилось молоко.

Рейдж явно намерен побахвалиться.

– Послушай, я... я не... – бормочу я.

Но Сэм уже подходит к нему. Очевидно, он уверен, что справится.

– Конечно.

Ухмылка Рейджа становится шире.

– Должен предупредить, что я три года играю в команде по бейсболу.

Он подбрасывает мяч еще раз, ловит его, разворачивается и швыряет. Верхняя бутылка отлетает в сторону. Он улыбается, берет второй мяч и сбивает половину пирамиды. Взяв третий, последний, мяч, он опрокидывает все бутылки, кроме одной, которая стоит, раскачиваясь взад-вперед, как пьяная. Он оборачивается и улыбается Сэму.

О, прямо передо мной разворачивается глупая сцена из романтических комедий. Барри всегда недоверчив, но что нашло на Рейджа?

Сэм ухмыляется в ответ, берет мяч со стола и бросает его, но он пролетает в дюйме от бутылок.

Рейдж выглядит так, словно только что проглотил массивное чучело птицы Твити⁹, которое висит прямо над его головой.

Сэм бросает второй мяч и снова промахивается.

Теперь Рейдж сияет.

– Не переживай, Сэм. Уверен, там, откуда ты родом, не играют в бейсбол.

А потом раздается звук бьющегося стекла. Я оглядываюсь и вижу, что вся пирамида из бутылок разбита вдребезги, осколки даже вонзились в заднюю стенку палатки.

Мы все смотрим на Сэма, а он в ответ лишь пожимает плечами.

Рейдж поворачивается к парню в палатке, который выглядит потрясенным тем, что все еще жив.

– Почему ты используешь стеклянные бутылки?

Парень таращится на Сэма.

– Никто раньше никогда не делал этого. – Он отходит в самый дальний угол палатки, указывая на вереницу печальных мягких игрушек и сглатывает. – Выбор победителя. – Он не сводит глаз с Сэма.

---

⁹ Желтая канарейка из мультсериала Looney Tunes. (Прим. ред.)

Рейдж молча стоит, уставившись на пустой стол и осколки стекла, воткнутые в стену палатки.

– Мика? Выбирай, – предлагает Сэм, величественно указывая на призы.

Я показываю на плохо сшитые, ярко раскрашенные матерчатые лица, злобно смотрящие на меня из своих петель:

– О, черта с два! Я не понесу ни одну из них домой! *Уверена*, они убьют меня во сне.

Сэм кивает, словно это самая логичная вещь в мире.

– Как в «Заклятии».

– Вообще-то я подумала о «Замороженной Шарлотте».

– Когда я читал эту книгу, клянусь, казалось, что куклы бегают прямо по моему одеялу.

– Да! Не могу поверить, что ты читал ее.

– А ты читала другие книги из этой серии? О корнуэльской гостинице с привидениями...

– Кхе-кхе. – Барри пытается привлечь наше внимание.

Я чувствую, как румянец заливает щеки.

– Ой, простите.

– Подожди, а что насчет золотой рыбки? Не думаю, что она сможет продержаться вне воды достаточно долго, чтобы убить тебя. – Сэм указывает на ярко-оранжевую рыбку, одиноко плавающую в круглом стеклянном аквариуме.

– И она явно не прячет нож за плавником, – добавляю я.

Мы оба смеемся, а затем он забирает рыбу у все еще ошеломленного парня из палатки и протягивает ее мне.

– Сэм! – раздается резкий голос. Мы оглядываемся и видим группу людей: все стильные и прилизанные, все одеты в темные кожаные вещи.

Высокая девушка отходит от компании и направляется к нам, ее сапоги на высоком каблуке утопают в траве. У нее длинные рыжие волосы и сильно подведенные глаза. – Мы больше часа ищем тебя. – Она смотрит на меня, ее взгляд медленно скользит от макушки со спутанными волосами к грязным кроссовкам от «Найк».

Я еле сдерживаю дрожь. Это девушка Сэма? Я сглатываю.

На ее лице расплывается хитрая улыбка.

Сэм все еще смотрит на меня и резко отвечает девушке:

– Я не обязан отчитываться перед тобой, Рона.

– Не хочешь нас познакомить, Сэм? – Она театрально обходит меня, сложив руки на груди.

Сэм выпускает долгий пораженческий вздох.

– Мика, это Рона. Моя сестра.

Его *сестра*. Мое сердце снова начинает биться.

– Привет.

Она с улыбкой протягивает мне ладонь:

– Приятно познакомиться.

Я передаю аквариум Зи и собираюсь пожать руку Роне, но Сэм хватается за ладонь, прежде чем мы успеваем коснуться друг друга. Его сестра выглядит разозленной, но Сэм слегка отталкивает ее и делает глубокий вдох. Когда он поворачивается ко мне, у него на лице появляется натянутая улыбка.

– Прости, Мика, мне пора идти. Увидимся позже?

– Хо... хорошо. – Какого черта происходит?

– Пойдем, Рона, – рявкает он сестре и отворачивается, засунув руки поглубже в карманы.

Мы с Роной наблюдаем, как он уходит, но когда Сэм оказывается в нескольких ярдах от нас, она поворачивается ко мне и снова протягивает руку с улыбкой.

– Надеюсь, еще увидимся, Мика.

Я протягиваю руку в ответ и вкладываю свою ладонь в ее. В ту секунду, когда они соприкасаются, моя рука начинает нагреваться, как будто ее держат над открытым пламенем. Я пытаюсь отдернуть ладонь, но не могу. Тело не слушается меня. Крик зарождается в груди, но я не могу набрать воздуха, чтобы издать его. Жжение распространяется вверх по запястью, по руке, слезы текут по моему лицу. Боль становится невыносимой, и я слышу, как потрескивает моя кожа. Охваченная паникой и парализованная, я смотрю на свою руку и наблюдаю, как кожа пузырится и чернеет, боль раскаляет добела все мое тело, взгляд становится затуманенным. Я изо всех сил пытаюсь сделать вдох, кашляя от дыма и запаха горячей плоти. Как же хочется закричать...

– Ронова! – Глубокий голос Сэма возвращает меня в реальность. Его сестра отдергивает руку, и я делаю глубокий вдох. Воздух со свистом возвращается в легкие, когда я восстанавливаю контроль над своим телом. Я кашляю, хриплю, мои глаза мечутся по сторонам, как у загнанного животного. Сэм стоит в отдалении и свирепо смотрит на Рону: – Ты идешь или нет?

Я смотрю на свою руку, но кожа на ней целая, без ожогов.

В поле моего зрения появляется лицо Рейджа. Я не слышу слов, но вижу, как шевелятся его губы, спрашивающие, все ли со мной в порядке. Я пытаюсь сориентироваться.

Я протягиваю ему руку, и он смотрит на нее с беспокойством.

– Т-ты в-видел это? Моя рука в порядке?

Он аккуратно берет меня за руку и осматривает ее, затем задирает рукав, чтобы посмотреть на кожу.

– Все нормально. Что она с тобой сделала, Мика? – Он бросает взгляд на Рону.

Все та же хищная улыбка играет на ее лице.

– Тебе повезло. Я даже не приложила усилий, – шепчет она, затем разворачивается на каблуках и уходит, догоняя Сэма и остальную компанию.

Кто-то обнимает меня за плечи, и я вздрагиваю. Я оборачиваюсь и вижу Зи.

– Мика, ты в порядке? – шепчет она.

Я качаю головой, глаза наполняются слезами. Такое ощущение, что меня накачали наркотиками.

Барри встает рядом.

– Этот парень реальный?

У меня дрожит голос:

– Вроде да. Но кто его сестра, я не знаю.

Зи сидит за рулем, но я чувствую, как она периодически бросает на меня взгляд.

– Мика, помнишь, что я говорила тебе об эм-патах, которые могут забирать жизненную энергию других людей?

Я понимаю, что она просто пытается помочь, но прямо сейчас не могу подключиться к своим чакрам. В любом случае, думаю, они сломаны. Я делаю глубокий вдох, чтобы мои слова не прозвучали слишком язвительно.

– Зи, я не эмпат. И это было больше, чем просто чувства.

– Нет, я говорю о себе. Мне даже не нужно было прикасаться к Роне, чтобы почувствовать, что от нее исходит. И я говорю о гораздо большем, чем негативная энергия, исходящая от капризного старика, стоящего позади меня в очереди в супермаркете. – Она качает головой. – Она исходила от нее волнами.

Я жду, что она скажет что-нибудь еще, но она смотрит вперед, на дорогу, будто находится мыслями уже далеко отсюда.

– Подожди, волны чего?

Зи останавливает машину перед моим домом и поворачивается ко мне:

– Зла.

Часть меня хочет рассказать Зи о галлюцинациях. Она ведь открыта всему новому. Она поверит мне. Но я не уверена, что готова признать, будто нечто из романа Данте Валгейта произошло со мной в реальной жизни.

– Будем надеяться, что мы больше не встретимся с ней, – шепчу я.

– Аминь.

Я наклоняюсь и обнимаю Зи одной рукой, а в другой держу аквариум.

– Спасибо.

Когда мы отстраняемся, она откидывается на спинку кресла и одаривает меня грустной улыбкой:

– Увидимся завтра в школе?

Я слышу, что она пытается придать своему голосу нормальный тон, но в сегодняшнем вечере не было ничего нормального.

– А у меня есть выбор? Я про школу, а не про встречу с тобой. – Я улыбаюсь и выхожу из машины.

Я стою и машу рукой, пока она не отъезжает, но вместо того, чтобы сразу войти в дом, я опускаюсь на ступеньки крыльца. Я сижу, прижимая к животу аквариум. Мне нужно остановить вращение шестеренок в голове, поэтому я делаю долгий, медленный вдох. Я ощущаю под собой холодный, как наждачная бумага, цемент, землистый запах разлагающихся тыквенных фонарей с крыльца на другой стороне улицы. Я сосредотачиваюсь на этих вещах; они заземляют меня. Весь день я словно балансировала на грани реальности.

В заднем кармане вибрирует телефон, и я переключиваю аквариум в одну руку, пока достаю его. Конечно, это шквал сообщений из Воинства, обсуждающих ярмарку, спасение детей, Сэма. Я уже собираюсь ответить, когда замечаю сообщение с незнакомого номера:

Ты дома? Все в порядке?

У меня перехватывает дыхание. Я пишу:

Ты кто?

Остальных людей, написавших мне, я знаю всю жизнь. От этого становится как-то грустно. Это Сэм? Но откуда у него мой номер?

Парень, который взял твою книгу в заложники.

Я улыбаюсь. Постоянно приходят новые сообщения из Воинства, так что я отключаю звук уведомлений. Я пишу:

В заложники? Серьезно? Какие у тебя требования?

Ответ приходит незамедлительно:

Пужинай со мной в пятницу.

О. Боже. Мой.

Сердце начинает биться так сильно и быстро, что мне кажется, оно вот-вот взорвется и его осколки будут плавать в аквариуме вместе с рыбкой. Подождите, его же сестры там не будет, верно? Конечно, нет. Я пишу:

Конечно.

Какого черта. Я веду себя как ни в чем не бывало, будто совсем не схожу с ума, сидя перед домом. В темноте. Держа в руке аквариум с рыбой.

Я заеду за тобой в семь.

О нет, абуэле это не понравится.

Встретимся у кафе «Блэк Кэп» в центре города.

Тут я замечаю время. Черт! Я опоздала на полчаса.

Я убираю телефон в карман и встаю. Затем тихо открываю входную дверь, съеживаясь от легкого скрипа петель. Я закрываю ее, радуясь тишине, и на цыпочках пересекаю гостиную, стараясь не расплескать воду из аквариума. Вдруг лампа рядом с бабушкиным креслом включается с громким щелчком.

Я вздрагиваю и прижимаю руку к сердцу.

– Абуэла! Ты до смерти напугала меня!

Она складывает на груди руки и свирепо смотрит на меня:

– Ты знаешь, сколько времени?

– Прости, абуэла, я просто... веселилась.

– Веселилась? А завтра тебе будет весело в таком состоянии учиться в школе? Или весело заставлять свою абуэлу волноваться? Я усердно работаю, чтобы поддерживать тебя, чтобы подготовить тебя к жизни, Мигуэла, и мне хотелось бы, чтобы ты относилась ко всему более серьезно, особенно к учебе.

Боже. За свою жизнь я отправлялась в это путешествие в страну вины около трех тысяч раз.

– Прости, что заставила тебя волноваться, если бы ты только позволила мне написать тебе, я могла бы дать тебе знать, когда...

– Ой, нет, не начинай. Ты знаешь, как я отношусь к этим электронным телефонам.

Я сдерживаю смех и не поправляю ее (ни то, ни другое не помогло бы моему делу). На прошлое Рождество я подарила ей смартфон, но она пользуется им только для поиска рецептов.

– Абуэла, на дворе двадцать первый век. Тебе стоит попытаться идти в ногу со временем.

Она пристально смотрит на меня и молчит.

– Ладно, извини, но я в порядке и иду спать... – Я пытаюсь убежать в свою комнату.

– О нет, ты никуда не пойдешь, Мигуэла.

Я замираю, услышав лед в ее голосе. Она ростом четыре фута одиннадцать дюймов, весом около ста фунтов, но все же может заставить меня остановиться всего лишь одной фразой:

– М'іја, тебе нужно быть более осторожной.

Использование ласкового обращения «дочка» немного расслабляет, но я все еще чувствую себя в опасности. Я пытаюсь пошутить:

– Но ты же хотела, чтобы я не сидела дома! Кроме того, что может случиться? Мы живем в глуши!

– Нет по-настоящему безопасного места. Я перевезла тебя, чтобы защитить, после того как умерла твоя мама. Пожалуйста, давай не будем искушать дьявола.

Я так устала слушать болтовню о том, что она перевезла меня сюда, чтобы защитить. Насколько опасным может быть закрытый комплекс в Пуэрто-Рико? Кроме того, с чего вдруг «оставаться в безопасности» превращается в «не жить своей жизнью»? Но нет смысла возражать. Она просто запрет меня. Снова.

– Прости, что пришла поздно, абуэла, такого больше не повторится, я в порядке.

Она смотрит на меня блестящими глазами, будто я заставляю ее плакать, а она изо всех сил старается сдержаться. Затем она подходит, кладет одну руку мне на плечо, а другой приподнимает подбородок, так что мне приходится посмотреть на нее. Кажется, она что-то видит.

– Ты выглядишь по-другому. Что-то случилось с тобой сегодня, Мигуэла?

Я слышу в ее голосе панику и спешу успокоить:

– Нет! Нет, все хорошо, абуэла. – Я смотрю в ее карие глаза и не могу не задаться вопросом: *откуда она узнала?*

– Хмм. – Она еще немного изучает меня, затем ее плечи слегка опускаются. – Я просто хочу, чтобы ты знала, дорогая, ты всегда можешь поговорить со мной.

Да. Конечно. Но это улица с односторонним движением. Она никогда не разговаривает со мной о том, о чем хочу я. Например, о моих родителях. Я даже не знаю, отчего умерла мама. Или почему ушел отец.

Она всегда меняет тему, когда я спрашиваю о жизни в Пуэрто-Рико. Поэтому я просто... прекратила спрашивать. Путь наименьшего сопротивления – таков мой выбор в отношении ее.

– Я знаю, абуэла.

Она опускает взгляд.

– Откуда эта рыба?

Что-то в ее голосе заставляет меня смеяться. Громко. Кажется, она немного удивлена этому, но затем хихикает и качает головой, как будто не может меня раскусить. Чего она, кстати, действительно не может сделать.

– Ладно, иди спать, Мигуэлитита. – Она целует меня в лоб и разворачивает к комнате.

Я хватаюсь за дверную ручку свободной ладонью и оборачиваюсь. Она уже выключила лампу и теперь шаркающей походкой направляется в свою комнату.

– Абуэла?

– ¿Sí, niña?¹⁰ – Ее голос усталый и тонкий, как ткань на сидушке стула, которая медленно изнашивается. Не я ли довела ее до такого состояния?

– Te quiero¹¹. – Я вижу ее улыбку в свете уличных фонарей перед домом. Усталую, как и ее голос.

– Yo también, m'ija¹².

Я колеблюсь, чувствуя, что должна сказать что-то еще, но потом открываю свою дверь. Вдруг из коридора раздается бабушкин крик:

– За опоздание ты наказана на неделю!

Боже. А я-то думала, что у нас произошло своего рода воссоединение. Я захлопываю дверь, прислоняюсь к ней и медленно опускаюсь на пол.

– Почему она всегда так строга со мной? – шепчу я рыбе, плавающей в аквариуме. Я рада, что она единственная, кто видит мои слезы. Почему за хорошим всегда следует что-то плохое?

Я встретила парня, которому, кажется, понравилась.

Но его сестра рыжая сучка-садистка.

Горячий парень пригласил меня на свидание.

Занудная бабушка (в каком-то роде тоже садистка) наказала меня.

Телефон вибрирует в кармане. Я достаю его и смотрю на экран.

Это Сэм.

На самом деле вечер пятницы еще **ОЧЕНЬ** далеко.

Сердце радуется сообщению, а затем быстро унывает под тяжестью реальности. Я должна посмотреть правде в глаза. Бабушка никогда не позволит мне встречаться с ним – парнем, которого я едва знаю. Мне придется сказать ему, что не смогу увидеться с ним. Дрожащим пальцем я печатаю:

Я не смогу прийти. Меня только что наказали, бабушка ни за что мне этого не разрешит.

Я смотрю, как он тоже что-то печатает. Затем останавливается.

Я кидаю телефон на кровать.

– Да пошла она, – говорю я рыбке.

---

¹⁰ Да, детка? (исп.). (Прим. пер.)

¹¹ Я люблю тебя (исп.). (Прим. пер.)

¹² И я тебя, дочка (исп.). (Прим. пер.)

Приходит новое сообщение. Я встаю, ставлю аквариум на стол, подхожу обратно к кровати и беру телефон.

Зи сказала, что мы настоящие супергерои. Супергерои не обязаны делать то, что говорит их бабушка. Это одно из преимуществ.

Я усмехаюсь, но смешок быстро переходит в звук, похожий на рыдание. Я хочу написать: *Я не могу*, но останавливаюсь.

Почему это *не могу*?

При мысли о том, что я брошу вызов абуэле, чтобы встретиться с Сэмом, меня охватывает волнение, словно электрический разряд. Похожее на то, когда мы перепрыгивали через ограждение. Эта женщина и так контролирует большую часть моей жизни. Свидание с Сэмом – это первое, чего *я* захотела за долгое время.

Мне снова нужно это чувство.

Я смотрю в экран и печатаю:

Тогда, наверное, мне лучше взять с собой плащ.

4

И не будет палить их солнце и никакой зной.
Откровение 7:16 ап. Иоанна Богослова

Мои веки опускаются при решении задачи – наверное, потому что это скучная задача, – возможно, я немного устала после вчерашней ночи. Я выпрямляюсь и стараюсь не закрывать глаза. Но спустя пару минут от монотонного голоса мистера Лича голова начинает опускаться, и меня словно затягивает под воду.

Только вместо воды меня встречает огонь. Я резко выпрямляюсь и чувствую жгучую боль в правой руке, как будто все мои нервные окончания попали во фритюрницу. Я опускаю взгляд и вижу, как длинные оранжевые языки пламени обвивают мое запястье, кожа потрескивает и лопается. Пламя охватывает мой рукав, ткань плавится. Я открываю рот...

– Мисс Анхелес? Все нормально? – Мистер Лич смотрит на меня, в его широко распахнутых глазах читается ужас.

– Что? Что случилось?

– Ты просто закричала посреди решения задачи, – услужливо объясняет Марена Янг с соседнего стола.

– Может, вам стоит сходить в мед... – Его перебивает звонок, возвестивший об обеде.

Спасена звонком в буквальном смысле.

Я хватаю учебники, бормочу: «Я в порядке», – и выбегаю за дверь. Когда я выхожу в коридор, с моего лба капает пот. Я прижимаю книги к груди, прохожу мимо кафетерия (да, прямо сейчас меня не волнует еда) и направляюсь в единственное место на территории школы, где чувствую себя комфортно.

Всякий раз, когда мне удается улизнуть с урока или когда я просто хочу побыть одна, я иду в маленькую школьную часовню рядом с главным входом. Не для того, чтобы помолиться или сделать что-то формальное, просто в этой комнате, отделанной деревом, есть что-то такое, что притягивает меня и успокаивает. Тишина здесь не похожа ни на какую другую: как будто журчание тысячи молитв повисает в воздухе под потолком. Я захожу в часовню, темные деревянные скамьи пусты в ожидании завтрашней утренней службы.

Я прохожу вперед и останавливаюсь, глядя на изысканный алтарь. Я очарована его резьбой, изображающей святого Михаила и его Воинство архангелов, летящих над армией зла с обнаженными мечами. Абуэла считает, что это излишне жестоко, особенно для дома Божьего, но изображение насыщено действием и ужасами – именно так, как мне нравится.

Я оглядываюсь на дверь, чтобы убедиться, что в часовне больше никого нет, и поднимаюсь на возвышение, где стоит алтарь. Я перекладываю учебники в другую руку и осторожно протягиваю пальцы, чтобы провести ими по резьбе. Раньше я делала это, когда училась в средней школе и пряталась здесь. Тогда я представляла себя воином. Я практически слышала лязг мечей и чувствовала, как ветер с вершины горы треплет мои волосы.

Но на этот раз, когда кончики пальцев касаются дерева, происходит нечто другое.

Еще одна огненная галлюцинация? Или это какое-то видение? Я не чувствую страха или паники, как на ярмарке, но что бы это ни было, оно приходит вспышками, как молния. Я бегу по пылающим залам с высокими потолками, направляясь к дверному проему, залитому солнечным светом, пока не оказываюсь во внутреннем дворе, заполненном дымом. Я опускаю взгляд и вижу на своих руках мальчика, его глаза прикрыты, он кашляет. Я оборачиваюсь и замечаю, что стою перед огромным административным зданием, полностью охваченным пламенем. Вокруг меня кричат дети, их лица искажены от ужаса. Монахини в черных рясах отгоняют их от разрушающегося здания. По всей территории растут пальмы, а небо шокиру-

ющего голубого оттенка контрастирует с клубящимся черным дымом, который распространяется, затмевая даже солнце. Подбегает пожарный в желтой куртке, забирает у меня мальчика и убегает прочь.

Затем я замечаю на рукаве кровь, но, кажется, она не моя. Правая рука устала и трясется, словно я сражалась...

– Мигуэла?

Я отдергиваю руку, спотыкаюсь и чуть не падаю навзничь с возвышения. Затем резко оборачиваюсь и вижу отца Мерфи, учителя истории средней школы, стоящего в дверях. Увидев, что я падаю, он бросается ко мне, чтобы помочь, но я опускаюсь на пол и машу ему, мол, все в порядке. Я срываюсь с места и бегу по проходу, чувствуя прикосновение его рясы, когда протискиваюсь мимо него к двери.

Как только он появляется в коридоре, выкрикивая мое имя, раздается звонок, и пространство заполняется учениками. Испытывая облегчение, я растворяюсь в реке из людей. Лучше бы он меня не прерывал – это было похоже на то, как будто алтарь... разговаривал со мной. Я знаю, как безумно это звучит, но мне действительно казалось, что он передает сообщение, или предупреждение, или что-то в этом роде.

Конечно, как только начинается следующее занятие, меня вызывают в кабинет школьного консультанта. Один инцидент остался бы незаметным, но не два. Я убеждаю ее, что просто уснула на уроке, и она позволяет мне отдохнуть на кожаном диване до конца учебного дня. Я не лгу, но могу быть убедительной, когда захочу, особенно со взрослыми, кроме, конечно, бабушки.

После звонка, ознаменовавшего конец учебного дня, я с радостью выхожу из здания и вижу, что Зи ждет меня в машине прямо перед входом. Слава богу. В те дни, когда у Рейджа тренировка по бейсболу, Зи подвозит меня домой, чтобы я смогла избежать унижения быть единственной старшекласницей в автобусе. Школа находится всего в двух милях и пяти минутах езды от центра города, но когда ты в автобусе с двадцатью четырнадцатилетними подростками – это целая вечность.

Я падаю на пассажирское сиденье и выпускаю громкий драматичный вздох.

Зи пристально смотрит на меня с легкой улыбкой на лице:

– Ты в порядке?

Я молчу. Сегодня на ней полуночно-черные и непрозрачные серьги. Я прикасаюсь к ним – на ощупь они гладкие, как стекло.

– Черт возьми, камни, высасывающие свет, не приносят ничего хорошего.

– Обсидиан защищает от негативной энергии.

– Думаю, мне нужны такие.

– Мика, что с тобой?

Я потираю лицо.

– Я не знаю. Я правда не знаю, Зи. Похоже, я схожу с ума.

– Не думаю, что это так.

Я смотрю на нее, затаив дыхание:

– Но это точно ненормально.

– Ты еще не была в *моей* голове, – усмехается она, а затем ее голос снова становится нежным, как будто она разговаривает с одним из пациентов, с которыми работает в больнице. – Я слышала, ты кричала на математике?

– Боже, слухи распространяются здесь слишком быстро.

– Тебе снятся кошмары?

– Честно, я не уверена, что это сны, это больше похоже на... – Я замолкаю, боясь показаться совершенно ненормальной, но, взглянув на Зи, продолжаю: – Они более трехмерные, детализированные. Словно я действительно нахожусь там, они как воспоминания о том, что

со мной никогда не случалось. О-о-о, не знаю, это звучит, будто я сошла с ума. – Но Зи не смеется. С ее лица исчезают последние признаки веселья, и она просто смотрит на меня.

– Что? Почему ты так на меня смотришь?

Она игнорирует вопрос.

– Что происходит в этих видениях?

Я рассказываю о произошедшем во время урока и видении у алтаря. Пока я говорю, краска сходит с ее лица и она начинает играть со своими сережками, проводя пальцами по кристаллам.

– Зи, что такое? Почему ты выглядишь так, словно тебя сейчас стошнит?

– Просто... У меня тоже появились видения. Они начались на выходных.

Мое сердце пропускает удар.

– Такие же, как у меня?

Она качает головой:

– Нет. Но такие же мрачные. Мои происходят здесь, в Стоу. Огненные ямы и умирающие люди, которые мне безразличны... – Она замолкает и смотрит вдаль.

– Почему ты ничего мне не рассказала?

Она пожимает плечами.

– По той же причине, по которой ты не хотела рассказывать мне. Но я в принципе могу чувствовать многое. И я знаю, что сейчас ты в шоке, но мы не сумасшедшие, ясно?

Зи берет меня за руку и сжимает ее. Мне сразу становится легче. По крайней мере, я не переживаю эти странные вещи в одиночку.

Вдруг раздается громкий треск, затем какофония из улюлюканья и воплей.

Мы смотрим на бейсбольную тренировку, проходящую на поле рядом с парковкой, и видим знакомые рыжие волосы, торчащие из-под шлема. Рейдж бежит вокруг баз, в то время как остальные наблюдают, как бейсбольный мяч взлетает с поля над трассой 100 и приземляется где-то на ферме через дорогу. Когда Рейдж возвращается на домашнюю базу, я вижу, что тренер держит в руках вторую половину треснувшей бейсбольной биты и потрясенно на него глядит. Коснувшись бутсами домашней базы, Рейдж что-то говорит тренеру, отбрасывает шлем в сторону и трусцой направляется к школе, все еще держа второй обломок биты. Я шокированно смотрю на друга, когда он замечает машину Зи и делает крик, оглядываясь на команду, все еще стоящую с открытыми ртами.

– Какого черта? – спрашиваю я, когда он просовывает голову в окно.

Его бледное веснушчатое лицо краснеет, и он пожимает плечами.

– Мне просто повезло.

– Нет. Ни черта подобного. Просто повезло – это когда мяч попадает за пределы игрового поля, а не в соседний округ.

Зи звонит мама, и она отходит поговорить.

Рейдж кладет руку мне на плечо, отчего у меня по коже почему-то бегут мурашки.

– Я слышал об инциденте на математике. Почему ты не пошла ко мне?

– Чтобы лишить тебя любимого урока? Nidor! – говорю я, и он улыбается. – Что? Это же значит «никогда», верно?¹³

– На самом деле это значит «дым» или «гарь».

Я пожимаю плечами.

– Я не говорила, что латынь – мой любимый предмет.

– Я серьезно, Мика. После вчерашнего я беспокоюсь за тебя.

– Не буду врать, Рейдж. Это были странные двадцать четыре часа.

– Это я знаю.

---

¹³ Латинское слово Nidor похоже на английское слово Never. (Прим. пер.)

– У тебя тоже?

Он отбрасывает волосы назад.

– Что ж, я хорошо бью, но уверен, что никогда бы не отбросил мяч *так* далеко. – Он указывает на поле через дорогу. – К тому же воздух сегодня какой-то... странный, понимаешь?

Я киваю. Я тоже заметила это.

– Мика, если что-то подобное снова случится на уроке, просто напиши мне, и я приду через долю секунды.

– Через долю секунды?

Он ухмыляется уголком губ:

– Или меньше.

– Что меньше доли? Наносекунда?

– Или, может быть, – он поднимает осколок биты, который все еще держит в руке, – *моргание?*

– Тьфу ты! – но я смеюсь. Правда в том, что он действительно придет, если что-то случится, и осознание этого заставляет меня чувствовать себя спокойнее.

Зи прощается с мамой, а кто-то с поля зовет Рейджа.

– Думаю, мне стоит сходить за битами. Это уже третья за сегодня.

– Серьезно?! В чем дело? – спрашивает Зи, но он уже направляется к входной двери школы, пятясь задом.

Добравшись, он кричит:

– Встретимся в «МакКарти» сегодня? Латте с меня.

Я качаю головой:

– Не, я же наказана, забыл?

– А у меня смена в больнице, – добавляет Зи.

Он выглядит разочарованным, с поля его снова кто-то зовет.

– Мне пора. Тогда увидимся завтра.

Зи качает головой, когда заводит машину.

– Что-то происходит, Мика. Что-то серьезное.

Я откидываюсь на спинку сиденья и смотрю в окно. Что-то действительно происходит, и все это началось, как только Сэм и Рона появились в Стоу. Это не ускользнуло от меня, но я пока не делюсь этой мыслью с Зи. Не потому, что это прозвучит безумно (в конце концов, на этой неделе данный термин получил новое определение), а потому, что уверена: она попросит меня держаться от Сэма подальше, а это совсем не то, что я планирую сделать.

Если моя догадка верна, я должна выяснить, откуда взялись Сэм и Рона и зачем они на самом деле здесь. А для этого мне нужно провести больше времени с этим парнем.

Это тяжелая работа, но кто-то должен ее сделать.

5

*Но в устах твоих будет сладка, как мед.
Откровение 10:9 ап. Иоанна Богослова*

Пятница еще никогда не казалась такой далекой, и неделя тянется чертовски медленно. Что еще хуже: каждый день после школы я под домашним арестом, но, к счастью, меня перестали беспокоить видения. На самом деле все почти вернулось на круги своя, а того, что произошло несколько дней назад в часовне, вообще словно никогда не было. Но это не умаляет моей решимости докопаться до сути дела. Сегодня вечером я притворяюсь, что пишу исследовательскую работу на ноутбуке, а на самом деле провожу кое-какие исследования о Сэме и его семье. Пока абуэла смотрит телевизор, я начинаю копаться в социальных сетях.

Я хочу найти его профиль в «Инстаграм»¹⁴, но замираю, когда понимаю, что не знаю его фамилии. Почему я не спросила его? *Потому что это было бы странно, Мика.* Я печатаю «Сэм», и появляется около пятидесяти миллионов Сэмов. Это логично.

Стоп!

Рона. Жуткая сестра. Ее имя довольно уникальное. Я набираю его, но вместо этого высвечиваются Рональды. Затем я вспоминаю, что Сэм назвал ее как-то по-другому, когда разозлился. То имя было длиннее.

Ронова.

Я ввожу это имя в поисковую строку. Загружается маленькая круглая фотография первого аккаунта, и я вижу характерные огненные волосы. Я нажимаю на имя и по мере того, как фотография увеличивается, чувствую тошнотворное шевеление внизу живота.

Да, это она.

У нее триста тысяч подписчиков? ЧТО ЗА?! Она подписана только на четырнадцать человек, и это облегчает мои поиски. В этом списке я сразу же вижу Сэма Шеола и узнаю его красивое лицо. Неприятно признавать, но мое сердце замирает, когда я вижу его ямочки на щеках. Затем я замечаю маленький черный символ висячего замка.

Приватный профиль?

Он закрыл профиль. Черт. Ладно, в пятницу у нас свидание, так что он, вероятно, одобрит мой запрос. Но так я признаю, что искала его в «Инстаграме». Не стоит. Я просматриваю страницу Роны, ища фото с Сэмом. Она числится как ин-флюенсер, и когда я просматриваю ее фотографии, то понимаю почему.

Ряды прекрасных фото ее и ее великолепных друзей, сделанных по всему миру. Бесконечные снимки татуировок и бикини на фоне лазурно-голубой воды, канатная дорога в Коста-Рике, вечеринки в Сингапуре. В груди начинает закипать зависть: я не думала, что смогу ненавидеть ее еще сильнее. Я замечаю первое фото Сэма и нажимаю на него.

Это та же компания с ярмарочного комплекса на Коачелле.

Фу. Коачелла.

Сэм в центре стоит рядом со звездой реалити-шоу, ее имплантированные сиськи выпирают из укороченного топа, как поднимающееся тесто для хлеба. Я собираюсь двигаться дальше и просмотреть остальную часть аккаунта Роны, когда замечаю, что фотография меняется. Это видео? Бумеранг? Лица Сэма и его друзей начинают темнеть, их улыбки становятся гротескными, нижние губы пронзают острые клыки. Какого черта! Сэм особенно пугает, его красота – пародия на саму себя, как у того паука, у которого на спине фальшивое лицо, чтобы отвлечь свою жертву, пока он нападает своей настоящей пастью.

---

¹⁴ Инстаграм принадлежит компании Meta, признанной в РФ экстремистской.

Но больше всего беспокоят знаменитости и люди из толпы. Кожа на их лицах слезает, обнажая сырые красные мышцы, блестящий жир и, наконец, ярко-белые кости. Их плоть растворяется в яркой дизайнерской одежде, рты застыли в крике, идеально уложенные волосы превратились в пылающие гривы. Я не могу перестать смотреть в их глаза, расширенные от ужаса, которые вскоре лопаются, а затем плавятся, собираясь в пустых глазницах черепов.

Я издаю странный сдавленный крик и сбрасываю компьютер с колен на пол гостиной.

– Мигуэла? ¿Qué pasó?¹⁵

Я резко поднимаю голову и вижу абуэлу с клубками ниток на коленях, которая с беспокойством смотрит на меня. Я и забыла, что она там.

Я нервно хихикаю:

– Ничего! Правда, ничего, абуэла. Я просто... – Я смотрю на телевизор. – Я просто забеспокоилась... о том... что агент Гиббс может найти на месте преступления. – Это полная импровизация, но бабушка заставляет меня смотреть этот дурацкий сериал всю жизнь, и я уверена, что этот комментарий подойдет к любой серии.

Она прищуривается, затем смотрит на ноутбук, лежащий на полу.

– И для этого потребовалось швырнуть дорогой компьютер через всю комнату? Мигуэла, ты же знаешь, у нас нет лишних денег. Я не могу позволить себе купить новый...

– Прости-и-и. – Я широко улыбаюсь, на что она качает головой и снова принимается за вязание, переводя взгляд на экран телевизора.

Я глубоко вздыхаю, беру ноутбук и смотрю на фотографию. Сейчас она выглядит нормально. Никаких облезших лиц, выпученных глаз. Я снова нажимаю на фото, но ничего не меняется. Может, это какое приложение для спецэффектов? Или самый страшный фильтр, который я когда-либо видела? Сильно сомневаюсь в этом.

Похоже, мне придется добавить это к списку вещей, о которых нужно расспросить Сэма во время нашего завтрашнего свидания. Может быть, этот чертов сериал все-таки полезный.

В пятницу, когда прихожу домой, я направляюсь напрямик в свою комнату под предлогом головной боли. Когда абуэла зовет меня ужинать, я говорю ей через закрытую дверь, что не голодна и рано лягу спать. Не вру, просто избегаю. После того как бабушка вколола мне обезболивающее и пощупала лоб, она наконец оставляет меня в покое. Я слышу, как она моет посуду после ужина, затем устраивается в кресле, чтобы посмотреть испанские мелодрамы, которые она с таким восторгом открыла для себя, когда у нас появился «Нетфлики», как она это называет.

Как и всегда, меньше чем через час я слышу, как ее храп волнами перекрывает звук телевизора. Если я дома и ей не нужно беспокоиться о моей безопасности (ее любимое развлечение), она не выдерживает даже одной серии. Это как цифровой мелатонин. Я тихонько подхожу к окну своей спальни, затем останавливаюсь и снова прислушиваюсь. Все еще храпит. Я открываю окно, перекидываю одну ногу через подоконник и спрыгиваю на траву.

Я пробегаю между нашим домом и соседским, затем вниз по кварталу, заворачиваю за угол и вижу Сэма, ожидающего меня перед кафе, где мы и договорились встретиться. Оно, конечно, закрыто – заведения Стоу сворачиваются чертовски рано, – и он стоит на крыльце, прислонившись к колонне. Он еще не видит меня, поэтому я пользуюсь моментом, чтобы понаблюдать за ним – за его худощавым телом, одетым во все черное, за расслабленной позой, за угловатым и совершенным лицом, смотрящим на луну, поднимающуюся над хозяйственным магазином через дорогу, за легкой улыбкой, возникшей, будто он думает о чем-то приятном.

Он замечает меня и улыбается. *Сосредоточься, Мика. Ты в режиме детектива, помнишь?* Но по моей коже снова пробегают электрический разряд, и я не могу удержаться, чтобы

---

¹⁵ Что случилось? (исп.). (Прим. пер.)

не ответить собственной широкой улыбкой. Он неторопливо спускается по ступенькам и встает прямо передо мной. Я смотрю ему в глаза.

– Это была слишком долгая неделя. – Даже несмотря на то что мы не прикасаемся друг к другу, клянусь, я чувствую, как звук его голоса вибрирует в моей груди.

– Ты это мне говоришь? Мне нужно ходить в школу и на работу... и, конечно же, кормить Челюсти.

Он наклоняет голову набок.

– Челюсти?

– Золотую рыбку, что ты выиграл.

Он усмехается:

– Ах да. Ей подходит это имя.

Он берет меня за руку и поворачивается к одинокому автомобилю, стоящему на стоянке перед кафе.

Изящная черная машина с откидным верхом притаилась там, как кошка, готовящаяся к прыжку.

Видимо, он понимает, что я не впечатлена.

– Перестарался? Она даже не моя.

– Подожди, ты украл ее?

– Нет!

Он кажется таким ошеломленным, что я смеюсь.

– Просто шучу. – *Вроде*. Его плечи заметно опускаются, и я испытываю облегчение, что он тоже нервничает. – Взял напрокат.

– Напрокат? Ты не можешь арендовать машину, пока тебе не исполнится двадцать пять. Подожди... – Я смотрю на него, сощурив глаза. – *Сколько* тебе лет?

Он смеется:

– Я не *настолько* стар. Мне девятнадцать. И... мой отец вроде как владеет компанией по прокату автомобилей. Вернее, корпорацией, которой принадлежит компания. – Он потирает шею и снова выглядит смущенным.

Не то чтобы богатство меня удивляет. Просто я живу в Стоу. Он переводит взгляд с меня на машину.

– Тебе не понравилось.

– Нет, нет, просто... – Я смотрю на него и слегка вздрагиваю. – Ладно, ты прав.

– Ауч!

Я пожимаю плечами.

– Прости. У меня пунктик на ложь.

– Не стоит, я уважаю это. Просто хотел впечатлить тебя. Большинство людей убили бы за такую машину. – Он показывает на нее жестами, как будто мы участвуем в игровом шоу, и автомобиль – главный приз в нем.

– Это просто... что-то вроде пожирателя бензина, разве нет?

Он смотрит на меня и наклоняет голову.

– Ты другая.

Я немного раздражаюсь. Всю свою жизнь я слышу слово на букву «д».

– В каком смысле другая? – осторожно спрашиваю я.

– Хмм... – Я буквально вижу, как он думает, прежде чем заговорить. – Я знаю не так много людей нашего возраста, которые так считают. На девушек, которых я знаю, производят впечатление такие вещи, как быстрые автомобили, дизайнерские лейблы и черные карты.

– Похоже, тебе нужно расширить свой круг общения.

– *Тут* ты права.

Сэм открывает пассажирскую дверь, и я сажусь в машину. Он буквально подпрыгивает за рулем, как будто слишком взволнован, затем задним ходом выезжает с парковки на центральную улицу. Когда мы едем в направлении Маунтин-роуд, я уточняю:

– Куда мы едем?

Кивком подбородка он указывает куда-то вперед:

– Увидишь.

Я заглядываю за свое сиденье и вижу старомодную плетеную корзинку для пикника, из которой торчит запотевшая бутылка.

– Пикник? Я люблю пикники! – Я хлопаю в ладоши, будто мне пять лет. Впрочем, именно так я себя и чувствую.

– Что ж, оттуда будет отличный вид.

Затем внезапно до меня доходит, что я в машине с парнем, с которым совсем недавно познакомилась и чья сестра заставила мою руку гореть. Да, не *самая* умная затея, но у меня черный пояс по тхэквондо, и, по правде говоря, я *нисколько* не жалею об этой встрече. Тем не менее я быстро пишу Зи, где нахожусь.

Когда мы едем по Маунтин-роуд, ветер развеивает мои волосы и я закрываю глаза.

– Все хорошо?

– Ммм... Так вот *почему* людям нравятся открытые машины.

– У них есть свои плюсы. – Он улыбается.

Обычно в это время года слишком холодно, чтобы открывать верх. Но сейчас вечер теплый, по-весеннему теплый. Несмотря на ноябрь. Если подумать, погода тоже изменилась, с тех пор как Сэм приехал сюда. Я смотрю на него. Его короткие черные волосы развеиваются, а глаза остекленели от ветра. Я помню, как однажды ночью была на пляже в Пуэрто-Рико и луна отражалась от поверхности воды, как бриллиант. У него такие же глаза. Я ловлю себя на том, что теряюсь в них, и это кажется... потрясающим.

Звонит его телефон – он подключен к машине, так что я вижу имя «Рона» и фотографию его сестры на экране. Я сдерживаю дрожь.

– Уф, – бормочет он и сбрасывает звонок.

В точности мои чувства. И все же я не хочу показаться грубой.

– Ты мог бы ответить. Я не против. – И это правда. Можно узнать многое о людях, подслушивая их телефонные разговоры.

Он качает головой:

– Не, не хочу, чтобы она знала, где я.

– Ладно...

Он вздыхает.

– С ней... сложно, но я вроде как привязан к ней, понимаешь?

– Нет. У меня нет ни братьев, ни сестер. Иногда я жалею об этом, но потом люди рассказывают мне страшные истории.

– Да, на бумаге братья и сестры звучат лучше.

Мы продолжаем петлять по Маунтин-роуд, и я понимаю, что мы направляемся к горнолыжному курорту. Он заезжает на пустую парковку слева, горнолыжные подъемники спят внизу в ожидании зимы. Я смотрю на него:

– Ты же знаешь, что курорт еще не открыт?

Он паркуется перед затемненным зданием, выходит и обходит машину. Я все еще в замешательстве и не слишком-то ему доверяю, но когда он открывает дверь и протягивает руку, я принимаю ее.

– Это слишком прекрасная ночь, чтобы проводить ее в помещении. – Он кивает в сторону лыжных трасс и бесшумных подъемников, забирая корзину для пикника с заднего сиденья.

Когда мы начинаем спускаться к подножию горы, я кое-что замечаю краем глаза. Что-то маленькое и черное, похожее на движущуюся тень. Я останавливаюсь. В кустах рядом со зданием раздается шорох. Что это было?

– Что-то не так?

– Нет. Я просто... – Я замечаю голову, заостренные уши, похожие на те, что я видела возле беговой дорожки, и светящиеся оранжевые глаза. – Сэм, ты видишь это? – шепчу я, укаывая на существо как раз в тот момент, когда оно поворачивается и взмахивает заостренным хвостом, прежде чем исчезнуть.

– Что? – К тому времени, когда он смотрит, никаких следов не остается.

– Странно. Мне показалось, я увидела... – Я оглядываюсь по сторонам, но никого не вижу. Затем снова иду вперед по тропинке. – Наверное, это была кошка или что-то в этом роде.

Когда мы добираемся до подножия подъемника, я смотрю вверх на знакомую гору, а затем снова на Сэма.

– Ты же не думаешь, что я полезу на эту гору? Мне, конечно, нравятся пешие прогулки, но не ночью без налобного фонаря.

– Конечно, нет.

Я ахаю, когда начинает гудеть подъемник, а на горе один за другим загораются огни, оживают двигатели.

Он подходит к креслу, которое ждет внизу, и поднимает поручень безопасности.

– Вот наш аттракцион. – Он величественным жестом указывает на мягкое сиденье.

Я оглядываюсь с нервным смешком.

– Не думаю, что нам можно здесь находиться.

Он поворачивается ко мне, его глаза блестят в свете огней подъемника. Я чувствую, как земля уходит у меня из-под ног, совсем чуть-чуть. Он чертовски великолепен.

– Если тебе некомфортно, Мика, мы вполне можем вернуться в город, сходить в кино или еще куда-нибудь. – Он указывает на машину, стоящую на пустой стоянке и ожидающую, как верный пес.

Но он неправильно понял меня. Меня не волнует, законно это нет. Хотя должно бы. Обычно волнует. Но ничто не проникает в этот счастливый пузырь, в котором я сейчас нахожусь.

Я улыбаюсь и опускаюсь на сиденье. Сэм садится рядом со мной, ставя корзину для пикника с другой стороны, и опускает страховочную перекладину перед нами. Когда сиденье начинает рывком двигаться, меня подбрасывает ближе к нему, и он обнимает меня одной рукой. Он такой же теплый, как свежеспеченный хлеб.

Мое сердце должно бешено колотиться. В любую минуту персонал или даже полиция могут прибежать через парковку и обвинить нас в незаконном проникновении на территорию. Однако я достаточно спокойна, чтобы откинуться на спинку сиденья и почувствовать тепло его руки на своей шее. Я глубоко дышу. В воздухе пахнет соснами и свежескошенной травой.

Когда мы добираемся до верхней площадки, я готовлюсь спрыгнуть, но подъемник просто останавливается. Я смотрю вниз, на землю, которая все еще пугающе далеко.

– Обычно он этого не делает; обычно он делает круг, а затем снова спускается с горы. – У меня такое чувство, что нам обоим надоел привычный ход вещей, – говорит он, легко подпрыгивая и приземляясь.

О, он понятия не имеет, насколько прав.

Подъемник находится высоко над землей; без снега он гораздо дальше, и мои ноги болтаются в воздухе. Сэм протягивает руку, чтобы помочь мне слезть, но я спрыгиваю, раскинув руки, будто лечу, пока мои ноги с приглушенным стуком не ударяются об утоптанную землю в нескольких ярдах от подъемника. Когда я оборачиваюсь, то вижу, что он улыбается.

– Что?

– Ты невероятно крутая, Мика Анхелес.

– Почему? А, да, я такая. – Я не могу перестать улыбаться, когда беру его за руку.

Мы добираемся до ровной площадки в самом начале тропы, где Сэм достает плед из корзины для пикника и расстилает его на траве. Я оглядываюсь вокруг и вижу, что весь город раскинулся под нами, как темно-зеленый ковер. И звезды. Отсюда я вижу все небо, устланное ими. Вермонт похож на маленькую деревню и чертовски скучный, но даже я готова признать, что он может быть волшебным.

– Красиво, не правда ли? – От его шепота я чувствую, словно по моей коже пробегает статическое электричество.

– Я подумала о том же.

– Ты голодна?

Я киваю и сажусь на красный плед, мягкий и теплый. Он открывает корзину, и запах доносится до меня, прежде чем он вытаскивает контейнер.

– Куриные крылья? – Я смеюсь. – Я обожаю куриные крылья! Это мое любимое блюдо.

– Мое тоже.

Я тянусь за крылышком.

– Я удивлена, думала, ты предпочтешь более изысканные пикники.

– Я? С чего ты это взяла?

– Не знаю... спортивные машины, шампанское... – Я указываю на запотевшую темно-зеленую бутылку, лежащую в корзине.

Он достает ее.

– Это? Это газировка с виноградным соком. Ты же спортсменка, и я подумал, что ты не пьешь, поэтому выбрал ее.

– Откуда ты знаешь, что я спортсменка?

– Тот прыжок через забор намекнул мне об этом. И... – его взгляд на мгновение опускается к моим ногам. Он возвращается к прилежному откупориванию бутылки, как будто смущенный.

Теперь моя очередь краснеть. *Брось, Мика. Соберись.*

– Кстати, о спортсменах... Тот вечер на ярмарке. Я быстро бегаю, но не настолько, такое было со мной впервые.

– А казалось, что ты всю жизнь это делала. – Он смеется.

– Мне тоже.

– Может быть, если бы ты достаточно отдавалась бегу, ты могла бы чувствовать это постоянно.

Рейдж часто говорит мне, что я сдерживаюсь. Странно думать о нем, пока я с Сэмом, словно я предаю его. Нет. Соберись. Пора задать Сэму несколько вопросов. Я пришла сюда ради этого. Я беру влажные салфетки, которые он предлагает, и, вытирая с рук соус для крылышек, небрежно спрашиваю:

– А что насчет тебя, Сэм? Почему ты так можешь бегать?

Он достает из корзины пару стеклянных фужеров для шампанского и наполняет их газировкой.

– Все супергерои умеют это делать. Разве ты не получаешь новостную рассылку? – Сэм с лукавой улыбкой протягивает бокал и подносит свой к моему. – За первое свидание в горах.

Я смотрю на него:

– Уверен?

– В чем?

– Что это свидание?

– Боже, надеюсь, это так.

Я пытаюсь придумать что-то остроумное, но замолкаю под его пристальным взглядом. Он так смотрит, словно хочет запомнить каждую черточку моего лица.

И я смотрю в ответ.

Я не знаю, как долго мы молча сидим и смотрим друг на друга, но впервые... возможно, за всю свою жизнь, я не хочу находиться в другом месте.

Нет.

Стоп. Мне нужно выяснить, что происходит. Я немного отстраняюсь, но это тяжело, как будто борюсь с магнитом. *Сосредоточься, Мика.*

– Все в порядке? – спрашивает Сэм, и, когда он выпрямляется, из-под его куртки раздается шуршащий звук. – Ох! Чуть не забыл. – Он лезет внутрь, достает сложенный листок бумаги и протягивает его мне: – Это было в твоей книге.

Мое письмо о зачислении!

– Черт, мне нужно быть более аккуратной с ним.

– Поздравляю, кстати.

Я пристально смотрю на него.

– Оно выпало, когда я открыл книгу, и я не смог удержаться, чтобы не посмотреть.

– Ох. Спасибо.

– Ты поставишь его в рамку? Поэтому тебе нужно быть с ним аккуратнее?

Я качаю головой:

– Нет. Моя бабушка не знает, что я подала заявление. Она настаивает, чтобы я поступила в колледж Сент-Майкл здесь, в Вермонте.

Он кивает:

– Обучение в штате гораздо дешевле.

– Нет, дело не в этом. – Я с трудом сглатываю. – Она очень сильно беспокоится о моей безопасности и не хочет выпускать меня из виду.

– Мне кажется, что ты прекрасно можешь за себя постоять.

Я смотрю на него:

– Спасибо. Я тоже думаю, что справлюсь.

– Уверен, она просто очень сильно любит тебя.

Я улыбаюсь.

– Но твои друзья поддерживают тебя, верно?

От этих слов я чувствую тяжесть в груди, и улыбка исчезает. Я так сильно хочу ответить «да». Всю жизнь мы с ребятами были так близки. *Да, они поддерживают меня во всем.* Но я не могу солгать. Я смотрю на клетчатый узор на плече.

– Не совсем. Они тоже хотят, чтобы я осталась в Вермонте. Как будто мой путь высечен в камне. Но я не имела никакого отношения к его проектированию и не могу сказать, куда он приведет.

– Тогда почему бы тебе не сойти?

Я недоумеваю и смотрю на него:

– Что ты имеешь в виду?

– Сойти с этого пути. Разве не поэтому ты подала заявление в Калифорнийский университет?

– Я не понимаю.

– Это не мое дело. Просто... – Он начинает активно жестикулировать. – Отец всегда спрашивает меня, что я делаю и как я это делаю, постоянно указывает, как я *должен* что-либо делать. Клянусь, я никогда ничего не смогу сделать правильно в его глазах.

Это определенно звучит знакомо. Я сажусь на колени и внимательно слушаю его.

– Он расписал мое будущее так, как будто у меня нет своих собственных планов и мечтаний.

– Именно!

– Как будто он держит меня на поводке и все, чего я хочу, – это убежать.

– Да! – я почти кричу.

Он трясет кулаком в небо.

– *Vexilla regis prodeunt...* – Он замолкает и вдруг смотрит на меня так, словно забыл, где находится.

– Подожди, что это значит?

Вместо ответа он потирает лицо и делает глубокий вдох.

– Прости, я становлюсь немного эмоциональным, когда говорю об отце. – Теперь он смотрит на меня более осмысленно. – Я просто хочу, чтобы ты знала: я полностью понимаю.

– Что понимаешь?

Он берет меня за руку, и я чувствую, как его тепло согревает меня, а между нами шуршит письмо о зачислении.

– Мика, тебе нужно проложить собственный путь. Не позволяй никому сбить тебя с него.

Это именно то, что я хотела услышать *всю свою жизнь*. Сердце бешено колотится в груди, как будто ему наконец-то дали достаточно места для бега, и, не раздумывая, я наклоняюсь вперед и прижимаюсь своими губами к его. У него мягкие губы, и я улавливаю сладкий аромат винограда в его дыхании. Я чувствую, как оно учащается, и все, чего хочу, – это чтобы оно стало еще быстрее. Я никогда не напивалась и не принимала наркотики, но мне кажется, это ощущается одинаково. Вся гора кружится, когда мы целуемся, его руки обхватывают мое лицо, чтобы прижать к себе. Я ощущаю тепло во рту, которое вместе с дрожью распространяется по всему телу.

Я могла бы целовать Сэма вечно, но медленно отстраняюсь. Он слегка выдыхает, и я борюсь с желанием поцеловать его снова. Я чувствую, что мне нужно отдышаться и восстановить контроль над телом. Еще несколько ударов сердца мы так и сидим – в сантиметрах друг от друга.

– Значит, ты тоже думаешь, что это свидание? – спрашивает он.

– Боже, надеюсь, это так. – Я снова наклоняюсь, чтобы поцеловать его, но резко останавливаюсь. У меня же есть целый список вопросов. Я осознаю кое-что и отстраняюсь. – Подожди. Ты же не принц или что-то в этом роде?

Его смех низкий и сексуальный.

– Почему ты спрашиваешь подобное?

– Бабушка заставляет меня часами смотреть фильмы на канале «Халлмарк» на Рождество. Вот уж где истинный ужас! Почти в каждом из них есть парень из другого города, который встречает местную девушку. Он обязательно оказывается принцем какой-нибудь маленькой европейской страны, где волшебным образом говорят по-английски. Сначала они не ладят, но потом медленно влюб...

– Мигуэла, ты говоришь слишком много. – И его губы снова прижимаются к моим.

Когда Сэм отвозит меня домой, я забываю попросить его остановиться около кофейни, чтобы пешком дойти до дома и тайно пробраться в комнату. В голове царит непроглядный туман, губы припухли от лучшего поцелуя, который я когда-либо переживала. Все, что я делала до поцелуя, становится абсолютно не важным. Это совершенно другая категория, как, например, когда я попросила абуэлу купить мне «Орео», а она принесла домой какую-то подделку под названием «Крем-О», потому что она была на пятьдесят центов дешевле. Мы останавливаемся перед моим домом – когда я сказала ему, где живу? – я ощущаю себя на другой планете и не испытываю ни малейшего желания возвращаться на Землю. Я смотрю на темные окна и вздыхаю.

– Все нормально?

– Уверена, абуэла поняла, что я ушла, и сейчас ужасно злится. Я удивлена, что она до сих пор не вызвала Национальную гвардию.

Он берет прядь моих волос, не пытаюсь расчесать их, как всегда делает абуэла, он, кажется... восхищается ими. Он подносит ее к лицу и глубоко вдыхает. Жар разливается по моему телу.

– Не переживай. – Он смотрит на дом. – Уверен, что твоя бабушка крепко спит в своей постели.

Я фыркаю:

– Ты не знаешь абуэлу. Она наверняка сидит в кресле в гостиной, как какой-нибудь часовой.

– Верно, я не знаю ее. Но мне бы хотелось.

Я смотрю на него, неуверенная, что правильно услышала.

– Точнее, мне скоро придется с ней познакомиться, – продолжает он. – Так будет правильно, если я планирую встречаться с ее внучкой.

– Мы встречаемся?

– Я думал, мы уже это выяснили. На горе. – Он указывает на гору Мэнсфилд, как будто я уже забыла о том, что там произошло.

– Да, но существительное «свидание» отличается от глагола «встречаться». Мы действительно используем этот глагол?

Он улыбается:

– Глагол, существительное, прилагательное, предлог. Мы – это любая часть речи, которая означает, что я снова увижу тебя.

Что-то шевелится внутри меня, напоминая о Роне. Я смотрю на Сэма, пытаюсь заставить себя спросить о ней, но когда вижу его лицо и то, как мечтательно он смотрит на меня, я просто нежно прижимаюсь губами к его губам для последнего поцелуя. Когда я закрываю пассажирскую дверь, он улыбается мне в свете приборной панели, и я с трудом заставляю ноги двигаться вперед.

Я практически плыву по дорожке и машу в последний раз. Когда машина Сэма исчезает, меня охватывает слабость. Она начинается в коленях и поднимается вверх по позвоночнику. Словно я была связана в течение нескольких дней и сейчас наконец освободилась. Когда я хватаюсь за дверную ручку, чтобы не упасть, дверь со скрипом приоткрывается, совсем чуть-чуть.

Она знает.

Я делаю глубокий вдох и открываю дверь, чтобы встретиться лицом к лицу с гневом абуэлы.

Я оглядываю темную гостиную. Лампа выключена. Я тихо закрываю за собой дверь и делаю несколько неуверенных шагов.

Ее кресло пустое.

Я на носочках иду к ее комнате и тихо открываю дверь. Вот она, лежит в постели и крепко спит, как и предсказывал Сэм. Я приглядываюсь повнимательнее: да, она все еще дышит. Она даже улыбается во сне.

– Хах.

Я закрываю дверь и останавливаюсь. Я не могу избавиться от подозрений. Словно Сэм что-то сделал с ней. Хотя гораздо более вероятно, что абуэла подумала, что я сплю; вероятно, она не стала проверять и просто ушла к себе. Но нельзя отрицать, что Сэм обладает магнетической энергией, которая притягивает меня к нему до такой степени, что я едва могу думать о чем-либо другом, когда я с ним. Это заставляет меня задуматься о словах Зи о том, что мы не сошли с ума. Но я чувствую себя немного безумной, как будто мои чувства не совсем мои.

Я снимаю худи и джинсы и ложусь в кровать, внезапно почувствовав себя уставшей. Когда закрываю глаза, я вспоминаю, что Сэм сказал что-то на латинском. Vex что-то там, reguss... prudent? Рейдж – президент латинского клуба, но я точно не буду спрашивать у него. Я беру телефон и ищу. Мне требуется минута, чтобы правильно написать слова, и наконец я нахожу фразу.

Vexilla regis prodeunt. Переводится как «Знамена Господни грядут». В «Википедии» сказано, что это гимн.

Почему Сэм цитировал гимн?

Кровать такая теплая, а у меня так болят ноги...

Завтра. Я выясню все... завтра...

* * *

Я резко просыпаюсь и обнаруживаю, что стою в центре города с Зи, Барри и Рейджем. Люди с криками стекаются по горной дороге, их лица омрачены ужасом. Я поднимаю голову, чтобы посмотреть, откуда они бегут, и вижу поток раскаленной лавы, несущийся вниз по лыжным трассам, направляясь к деревне. Я наблюдаю, как он подхватывает бегущую женщину с ребенком на руках и они исчезают в расплавленной массе. Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на своих друзей, и обнаруживаю, что кожа с их лиц слезает, как на фотографии с Коачеллы в «Инстаграме» Роны. Я хватаю Рейджа, я должна спасти его! Я чувствую, как пылающий жар разливается у меня по спине, когда я тяну его за собой, убегая по центральной улице. Перед церковью я оборачиваюсь и вижу, что ташу скелет, его пустые глаза смотрят на меня снизу вверх.

Я просыпаюсь с беззвучным криком, рот открыт, голосовые связки скованны. Я в панике оглядываю комнату, пытаюсь собраться с мыслями, и на секунду, всего на секунду, замечаю фигуру в углу. Я включаю лампу на ночном столике и вижу, что там никого нет – это был просто сон, перетекающий в реальную жизнь, и мой пульс начинает замедляться, веки снова тяжелеют...

Завтра, я выясню все завтра...

6

*Ты оставил первую любовь твою.
Откровение 2:4 ап. Иоанна Богослова*

Мне снятся землетрясения. Нет. Это кто-то трясет меня. Когда я открываю глаза и зрение проясняется, я вижу Рейджа, сидящего на моей кровати.

– Рейдж? Что ты здесь делаешь? – Я потираю лицо, пытаюсь отогнать туман сна.

– Могу спросить тебя о том же. – Его слова слегка отрывисты.

– Эм, я живу здесь? – Я сажусь, полностью проснувшись, и начинаю немного злиться. Ко мне приходит осознание, что я одета только в майку, поэтому прикрываю грудь руками. – Почему ты в моей комнате? – Я действительно видела кого-то здесь прошлой ночью? Я бросаю взгляд в угол. Все так расплывчато после того, как я вернулась домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.